

Афган: последняя война СССР

ПОГРАНИЧНИКИ НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

Сборник Пограничники на Афганской войне

Серия «Афган: Последняя война СССР»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700167

Пограничники на Афганской войне: Якуза, : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-68622-3

Аннотация

«Кочкари» – так прозвали Советскую Армию в погранвойсках после боев за остров Даманский в 1969 году, когда наши пограничники в одиночку сражались против китайцев и несли тяжелые потери, в то время как армейцы получили приказ не вмешиваться в боевые действия, чтобы локальный конфликт не перерос в полномасштабную войну, и поневоле «прятались за кочки»... Братство по оружию было восстановлено лишь 10 лет спустя в Афганистане, где «зеленым фуражкам» довелось не только охранять советские рубежи по обе стороны границы и наносить упреждающие удары по бандам моджахедов, чтобы не допустить вражеских прорывов на нашу территорию, но и участвовать в крупных войсковых операциях, таких, как

штурм неприступной базы «духов» в Мармоле, которую не смогла разгромить 40-я армия, а пограничники разгромили! 10-тысячная группировка погранвойск, носивших общearмейскую форму и знаки различия, имела зону ответственности до 100 км в глубь Афганистана. В их десантно-штурмовых, аэромобильных и мотоманевренных группах никогда не было ни «дедовщины», ни дезертиров, а самым страшным наказанием считалось отстранение от участия в боевых действиях и отправка обратно в Союз. Только убитыми погранвойска КГБ СССР потеряли в Афгане 518 человек – не даром Среднеазиатский пограничный округ в те годы прозвали «воюющим». И вышли «зеленые» из Афганистана последними – уже после того, как генерал Громов объявил: «Всё! За моей спиной нет ни одного советского солдата!»

Эта книга освещает последние «белые пятна» в истории Афганской войны и органов государственной безопасности СССР, в состав которых всегда входили погранвойска.

Содержание

Предисловие составителя	5
Татьяна Михайлова. Опаленные войной	11
Он жив в коротком слове «память»	18
Навеки двадцатилетний	33
Живу и помню	48
Виталий Шевелев. За завесой секретности	66
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Пограничники на Афганской войне

Предисловие составителя

Прошло много-много лет, как завершилась война на земле Афганистана с участием наших воинов. Войну эту называли «неизвестной», «необъявленной» и т. д. Но она была... Нельзя предавать забвению память о погибших, так как война эта – часть нашей истории. А ее нужно знать. Да, это наше прошлое, не только то, что уже ушло и не вернется, это – фундамент, на котором народ строит свое настоящее и будущее. Без прошлого не может быть будущего. В последнее время активно идет фальсификация нашей истории, ее дегероизация, очернение человека в военной форме. Через телевидение, кинематограф, литературу и прессу ведется жестокая информационная агрессия. Поэтому нельзя умалять значение этой афганской войны. Жертвы, понесенные после ее завершения, уже давно превысили потери самой войны... Как отметил генерал армии Константин Тоцкий, подтверждением именно такого ее значения было и то, что вернувшихся солдат и офицеров, прошедших ее ад и без того хлебнувших лиха, определенная часть общества – политики, политиканы и их прилипалы, – моделирующая обществен-

ное мнение, по сути, отвергла и обвинила. И как нелепо и дико ни звучали эти обвинения для человека военного, выполняющего приказ, дело было сделано. «Афганцы», столько испытывавшие, пережили еще и это унижение, нанесшее им непоправимую травму. Но эта беспрецедентная с точки зрения гуманизма и нравственности кампания имела отношение к войне уже опосредованное. Ее смысл был непригляден и несовместим ни с государственным, ни с общественным интересом. Так был нанесен удар по высокому человеческому чувству патриотизма вообще, так происходила дискредитация воинства страны в частности. Те, кто предпринимал эту неприглядную кампанию, вскоре о войне и ее участниках, тем более об их ранах, положении в обществе забыли, переключившись на другие «проблемы». Их неправота со всей определенностью проявляется в том, что с выходом наших войск из Афганистана война там не только не прекратилась, но разгорелась с новой силой, не стихая до сих пор. Более того, вернувшиеся с войны солдаты не нашли ожидаемого покоя уже и на Родине.

Но кроме этого глубокого значения война эта имеет и свои «белые пятна» — чисто исторические. В частности, участие в боевых действиях пограничных войск долгое время замалчивалось. Между тем пограничные войска сыграли в афганской войне роль исключительную, очень важную, прикрыв подступы к границам Советского Союза, обеспечив безопасность приграничья. Сформированные в них десантно-штур-

мotive и мотоманевренные группы показали удивительную эффективность. Пограничники повсеместно проявили подлинный героизм и мужество. В пограничных войсках не было ни одного военнослужащего, пропавшего без вести, а тем более не было ни одного, перешедшего на сторону противника. Пограничники последними покидали горячую афганскую землю. Замалчивание их участия в этой войне было не просто обидным, оно недопустимо ни с точки зрения истории, ни с точки зрения морали.

В Афганистане за десять лет войны побывали несколько десятков тысяч пограничников, 518 из них погибли. Абсолютное большинство (90,9 %) погибли при ведении боевых действий, непосредственно в боестолкновениях или скончались от полученных ран. При выполнении возложенных на них боевых задач пограничники неизменно проявляли взаимовыручку, мужество и героизм. Ни один из них не попал в плен. Ни один из погибших пограничников не остался лежать в чужой земле. Тысячи воинов границы награждены орденами и медалями. Многие пограничники удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе подполковники В. И. Ухабов (посмертно) и Ф. С. Шагалева, майоры А. П. Богданов (посмертно) и И. П. Барсуков, капитаны Н. Н. Лукашов и В. Ф. Попков, прапорщик В. Д. Капшук.

С 1981 г. подполковник В. И. Ухабов выполнял боевые задачи в Афганистане. В ночь с 11 на 12 октября 1983 г. он лично возглавил сводный отряд, который, действуя в слож-

ных условиях высокогорья, с боем прорвался к нашему разведыводу, попавшему в окружение. В этом бою В. И. Ухабов погиб.

В 15 боевых операциях участвовал майор А. П. Богданов. В одной из них при ведении боевых действий, рискуя жизнью, майор вынес с поля боя трех раненых. 15 мая 1984 г. в схватке с превосходящими силами противника его группа попала в окружение. А. П. Богданов был несколько раз ранен. Геройски погиб в рукопашном бою.

С 1980 г. в боевых действиях на территории ДРА принимал участие заместитель командира эскадрильи, первоклассный летчик майор Ф. С. Шагалеев. Он совершил свыше 1200 боевых вылетов. В феврале 1980 г. Ф. С. Шагалеев под сильным огнем противника совершил посадку в районе боя и спас экипаж сбитого вертолета. В октябре 1981 г. он успешно эвакуировал из труднодоступной местности попавшую в окружение десантно-штурмовую группу пограничников (80 человек).

Семь лет провел в Афганистане капитан В. Ф. Попков. На его счету более 2000 боевых вылетов. Он участвовал в разгроме бандформирований, вел воздушную разведку и десантирование штурмовых групп, эвакуировал раненых, прикрывал с воздуха транспортные колонны. В одной из боевых операций, когда был сбит вертолет напарника, под огнем моджахедов В. Ф. Попков совершил посадку и спас своих товарищей. После возвращения в его вертолете насчитали 21

пробоину.

Действуя под огнем, мужество и отвагу при спасении товарищей с подбитых вертолетов проявили боевые летчики А. Дубасов, А. Кашин, В. Мусаев, А. Пашковский, В. Петров, М. Пятибратов, А. Райков и многие другие. В критический момент под сильным пулеметным огнем противника прапорщик В. Д. Капшук вынес с поля боя тяжело раненного командира.

В афганских структурах работало 1007 советских военных специалистов, в том числе около 700 советников. Среди них сотни офицеров-пограничников. В их числе генералы Иванов В. С., Нешумов Ю. А., Сагайдак И. И., Власов А. А., Константинов В. И., Макаров Н. И., Голубев Б. М., Романенко А. И. и многие другие. Афганская война все дальше уходит в прошлое. Но она не закончилась и никак не закончится ни для тех, кто ее прошел и остался в живых, стал инвалидом, ни для близких и родных погибших. Она была разной для офицеров и солдат, для тех, кто входил в Афганистан в 1979 году и кто выходил из него последним в феврале 1989 года. Общим у всех было чувство исполненного воинского долга и непроходящая боль за потерянных боевых друзей. Афганская война останется для нас и для новых поколений неизгладимой в памяти меткой, останется нашей памятью, скорбью и гордостью.

Шли годы... Позади Афганская война... Но вот снова военные действия. На этот раз в Чечне. События, происходя-

щие в Северо-Кавказском регионе, стали большим испытанием для России, для всех нас. И снова пограничники активно противостояли бандитам. Об их боевых делах рассказывается в предлагаемой читателю книге. В ней представлена лишь малая часть воспоминаний, документальных рассказов о том, как пограничники проявляли самоотверженность, мужество, борясь за правое дело.

В «Стреляющие горы» авторы-пограничники рассказывают о российских воинах в зеленых фуражках, которые вместе с бойцами других силовых структур участвуют в антитеррористической операции на Северном Кавказе. Чтобы детализировать обстановку, бандитские группировки не гнушаются никакими средствами. В их арсенале убийства мирных граждан и захват заложников, теракты и нападения на приграничные населенные пункты. Но беспредельной жестокости противостоят мужество и долг «зеленых фуражек».

Приведенное в книге доносит до нас героизм и беззаветную преданность Родине пограничников, которые достойно выполняют свой воинский долг.

Юрий Ленчевский,
лауреат премии «Золотое перо границы»

Татьяна Михайлова.

Опаленные войной

15 февраля 1989 года из Демократической Республики Афганистан был выведен Ограниченный контингент советских войск. Не подлежит забвению этот день, равно как и память о людях, с честью выполнивших свой долг перед Отечеством

Двадцать четыре года минуло с того дня, как по термезскому мосту из Афганистана ушел последний солдат Советской армии. Ушел с гордо поднятой головой, при знаменах и орденах, ушел, оглянувшись назад без страха и злобы. Воины-интернационалисты достойно представляли нашу армию и народ в тяжелых событиях у южных границ Отечества. И как бы эта война ни рассматривалась современной историей, она навсегда останется образцом честного служения советских военнослужащих своему государству.

Волею судьбы мне посчастливилось общаться со многими воинами-интернационалистами, проходя в свое время службу на таджикско-афганской границе. Среди них были и генералы, и рядовые: Николай Резниченко, Рамазан Джафаров, Владимир Платошин, Анвар Халиков, Владимир Щербаков, Герман Похвощев, Фируз Ахтамов, Андрей Мелюшин, Ху-

сейн Мадаминов и многие другие. Поистине всех их уравнил Афганистан. И для них, воевавших «за речкой», слово «Афган» – не только сокращенное географическое название экзотической страны. Оно включило в себя всю гамму чувств и переживаний: боль и горечь потерь, мужество и воинское товарищество, радость и гордость от полученных наград. Чтобы понять и помнить афганское братство, надо было его прочувствовать самому. Им, находящимся порой на грани, за которой смерть, как никому другому, дано было ощутить на себе, осознать, что есть истина, а что ее жалкое подобие. Благородство – вот что отличало этих людей. Для них награда за труды – осознание исполненного долга, выполненная задача, спасенные жизни людей.

К великому сожалению, жизнь многих их боевых товарищей оборвалась в пламени афганской войны. Но память об этих людях жива, потому что они живы в сердцах и делах тех однополчан, кто вернулся. Вспоминают они добрым словом всех вместе, невзирая на чины и звания. Афганистан стал для воинов-интернационалистов школой мужества, мерилom человеческих отношений.

Мне припоминается повествование Владимира Щербакова, прошедшего через огненный ад «необъявленной войны». Ему посчастливилось остаться в живых. Он навсегда запомнил коварные афганские горы, где практически на каждом шагу подстерегала опасность. Сегодня ему время от времени напоминают об этом ноющие раны. Эхо афганской войны

прокатилось и осталось с ним неизбывной болью и глубокой скорбью. Но главное – ему никогда не забыть товарищей, которые помогали выжить в этой стране. Он безмерно благодарен медикам, которые спасли его от смерти в сентябре 1994 года. Это военные врачи Эмма Макарьянц, Юрий Воробей и Вячеслав Сироткин.

Не забыть годы, проведенные в Афганистане, и Герману Похвощеву. И хотя время неумолимо (оно все дальше и дальше отодвигает его от тех событий), он помнит все до мельчайших подробностей. Когда во время нашего разговора ветеран перебирал старые фотографии, чувствовалось, что на душе у него тоска: учащалось сердцебиение, словно электрическим разрядом тело прошивала дрожь. Наверное, потому, что эти годы вместили в себя все случившееся на афганской земле. Такие события в жизни навсегда остаются в памяти.

Боевая операция в провинции Логар. За успешное ее проведение весь личный состав подразделения был награжден орденом Красной Звезды, лейтенант С. Клименко – орденом Красного Знамени, а лейтенант Похвощев – орденом Ленина. К слову сказать, пограничники показали в ДРА высокий уровень боевой выучки, стойкость и отвагу: 27 тысяч награждены орденами и медалями СССР, наиболее отличившиеся удостоены звания Героя Советского Союза. Славы им добавил и тот факт, что ни один из пограничников за всю историю почти десятилетней афганской войны не был пле-

нен врагом.

... Из информации «мирных» пограничники узнали о бандитском караване, идущем из Пакистана. Маршрут, по которому продвигались душманы, пролегал близ кишлака Бабус провинции Логар. По горной тропе бандитам предстояло переправить свой смертоносный груз: мины, стрелковое оружие, боеприпасы, безоткатные орудия, ПЗРК «Стингер» и «Блоу-пайп».

На пути каравана встали пограничники. Ночной бой разгорался с каждой минутой. Силы были неравными: бандитов было больше примерно в пять раз. Высокое мастерство, выдержку и стойкость демонстрировали все наши парни.

Огненные пункты трассирующих пуль прошивали темноту и впивались в те точки, где секунду-другую назад мелькали вспышки выстрелов гранатомета и автоматов душманов. Долго оглашал окрестности грохот ночного боя. Интенсивность огня душманов снизилась, когда к нашим подошла подмога – бронегруппа, которой командовал лейтенант Клименко.

С рассветом бой завершился. Бандитам не удалось осуществить свой замысел. Враг был повержен. К счастью, потерь среди пограничников не было.

В ходе проведенной операции было захвачено 4 ПЗРК «Стингер», 2 ПЗРК «Блоу-пайп количество противотанковых мин, боеприпасы к стрелковому оружию и РПГ, реактивные снаряды и взрывчатые вещества.

О том, насколько огромна роль пограничников-авиаторов в осуществлении боевых операций наземных подразделений, мне поведал Александр Малаев. Зачастую вертолет был единственным связующим звеном между войной и миром, между смертью и жизнью. Когда становилось невыносимо трудно и максимально опасно, у пограничников оставалась надежда только на авиацию. И летчики с риском для жизни выполняли полетные задания.

Работа в горах накладывала свой отпечаток. Каждая посадка на площадку в горном ущелье – это уже высший пилотаж. А горы в Афганистане таили много коварных сюрпризов для винтокрылых машин: разреженный воздух, ограниченность маневра, резкие колебания погодных условий и многое другое. Но боевая необходимость вынуждала широко использовать вертолеты (нередко в предельных режимах) в условиях высокогорья.

Высочайший уровень летного мастерства, героизм, мужество наших авиаторов имели решающее значение в деле выполнения боевых задач: десантирование подразделений, поддержка их с воздуха, снабжение пограничников всем необходимым в местах полной недоступности... И главное – сотни раненных в боях солдат и офицеров обязаны жизнью этим отважным людям, в том числе Александру Малаеву. Он выполнил более 600 боевых вылетов. За каждым из них – смертельный риск. Летал он тогда на обычном транспортном Ми-8, хотя и оснащенном вооружением, но ничем, по сути,

не защищенном. Пули душманов прошивали корпус вертолета с легкостью.

За образцовое выполнение воинского долга и высокую боевую выучку Александр Малаев награжден орденом «За военные заслуги» и многими медалями, среди которых – «За отличие в охране государственной границы СССР».

... Войска вышли из ДРА организованно. Служить Отечеству, оказывать интернациональную помощь – такими были их цели. И в настоящее время для «афганцев» неизменными остаются понятия чести и совести, чувства Родины и ответственности за ее судьбу. А их опыт – ценное наследие пограничной мудрости и боевого мастерства.

Что же касается пограничников, то они из Афганистана вышли последними. Несмотря на самоотверженность и мужество наших военнослужащих, боевые действия в Афганистане унесли много жизней. И об этом забывать нельзя...

Сегодня все больше и больше понимания того, что именно в Афганистане зародился и быстро выпестовался монстр международного терроризма. Многие осознали и тот факт, что тогда, в конце восьмидесятых, Афганистан преподавал серьезный урок всему миру. А заключается он в том, что зло обязательно отзовется злом, и наоборот – помощь и забота о самых обездоленных и бедных все же даст свои добрые всходы. Не потому ли спустя годы простые афганцы столь тепло встречали россиян, прибывавших с гуманитарными грузами в освобожденные от талибов города? Время – безошибоч-

ный судья. Оно все расставит по местам. А воины-интернационалисты, не щадившие своих жизней ради благородных и высоких целей, свое достойное место в истории уже заняли.

Он жив в коротком слове «память»

Память... Она никак не дает угаснуть воспоминаниям о минувших днях и годах и цепко держит в сознании мельчайшие подробности событий, запавших по тем или иным причинам в душу. Так уж мы устроены. И вот что примечательно: чем больше человек живет воспоминаниями, тем больше набирается сил духовных и нравственных.

Вспомните в глаза этой русской женщины. Гнетущая тоска тяжелой печатью легла на душу и сердце матери, когда афганская война забрала ее сына. Сквозь горечь слез, отчаяние и немые молитвы с обескровленных женских губ срывался только один вопрос: «Почему так?» – и без ответа повисал в неприветливом сумраке утра...

Прошли годы, но не ожесточилось ее сердце после той страшной трагедии. В память о бессмертном подвиге сына она нашла в себе силы и стала помогать его сослуживцам. Старалась всеми силами поддерживать ребят в их нелегкой службе: им полной чашей пришлось хлебнуть и страданий, и отчаяния, и трудностей. По словам Зои Ивановны Алфимовой, забота о тех, кому тяжело, да и вообще о наших «афганцах» отвлекала ее от душевной боли, а заряд бодрости она получала из писем сослуживцев Александра и встреч с ними. Они, в свою очередь, благодарили ее за выдержку, низко кланялись за материнскую опеку и нескончаемую уверенность.

ность в завтрашнем дне. Вот строчки из письма пограничников заставы: «Говорим Вам большое спасибо за Вашего сына. В схватке с душманами у кишлака Ушкан Саша спас нам жизнь. Все мы хотим быть Вашими сыновьями...». И для Зои Алфимовой они поистине стали названными сыновьями.

В знак уважения ко всем военнослужащим, опаленным войной на афганской земле, Зоя Ивановна организовала инициативную группу по созданию движения «Ветераны Афганистана». В нее вошли люди, которые не понаслышке знают об афганской войне. Она в их душах и сердцах оставила глубокие и незаживающие раны.

А однополчане Александра Алфимова вот уже более 20 лет поддерживают связь с его мамой, помогают ей. Она для них близкий человек. Зоя Ивановна умеет, несмотря ни на что, преданно, бескорыстно и самоотверженно любить теперь уже родных ей людей. К ней они идут со своими радостями и надеждами, обращаются в горе и печали. Она все поймет, простит, всегда пожалеет. Своей щедростью души, преданностью, самопожертвованием, великим терпением эта женщина насыщает их любовью к жизни. А память о Саше, героически погибшем на огненных дорогах Афганистана, для них неизгладимая мета, боль и скорбь...

Им здесь выпало жить и служить

... Афганская война. Было ли страшно находиться там,

«за речкой»? Да, наверное. Но это был не конкретный, осознанный страх перед осознанной же опасностью, а скорее обобщенно-обязательный. Ведь любому человеку станет не по себе, если из привычной мирной жизни он вдруг окажется в чуждой, таящей внезапную смерть обстановке.

Первое ощущение чужой земли остается в памяти, по-видимому, навсегда. Четыре пятых территории Афганистана занимают горы. Внешне это красиво: причудливые резные вершины на фоне высокого, яркого неба. Но и опасно: по горным тропам движутся вооруженные колонны, а схватки в горах – это, по сути, бой вслепую, когда стреляют даже камни и откуда-то сверху, с чистого неба, сыплются пули. А еще – яркий, тревожный закат и гнетущее чувство неопределенности...

Здесь, на рубеже двух исторических эпох, различных политических систем и миропониманий, и выпало служить мужественным людям – советским пограничникам.

Пожалуй, в это время никто из них не смог избежать переоценки человеческих ценностей. Афганистан – как индикатор, там сразу было видно, кто ты, на что способен, стоишь ты чего-нибудь или нет. Не миновали эти мысли и Сашу. Родители учили его, что мужчина должен сам принимать решения, совершать поступки и идти своим путем – честным и единственно верным. Преодолевая все преграды, какими бы опасными и сложными они ни оказались, несправедливость в том числе. Вопрос его чести заключался в том, чтобы

не только он гордился своими родителями, но чтобы и они гордились им. От отца и матери он перенял удивительную жизнестойкость и оптимизм. «Счастлив тот, кто не ошибся в самом начале пути, – учила сына мама. – Судьба – это наше высшее предназначение, путь, уготованный нам Богом здесь, на земле. Всякий раз, когда мы делаем что-то с радостью и удовольствием, это означает, что мы следуем своей судьбе...». Саша очень ее любил, хотя стеснялся лишний раз показать это.

Как нелегко, а порой мучительно трудно говорить о самом сокровенном, глубинном, что есть в нас. Мы трепетно оберегаем, заботливо лелеем в себе ростки доброго чувства – любви, привязанности, нежности. Боимся быть непонятыми или, хуже того, осмеянными и чутко охраняем свое душевное пространство от всякого грубого вторжения. Но, каждодневно обороняясь от наступающих на нас обыденности, пошлости, мы все глубже и глубже уходим в себя, замыкаясь на все «засовы». Да так крепко, что не в силах «отвориться» даже тогда, когда испытываем насущную потребность в этом. Подчас боимся проявления душевности, искренности, будто стыдимся или стесняемся чего-то.

Но иногда эта боязнь распространяется и на то, чего мы не можем и не должны стесняться, – на нашу сыновнюю и дочернюю любовь, особенно к человеку, подарившему нам жизнь, к маме. При этом мы, по-видимому, забываем или недооцениваем одну из самых очевидных и жестоких истин –

время необратимо. Вырастая из коротких штанишек или торопливо убегая на высоких каблучках от косичек с атласными ленточками, мы не перестаем быть детьми наших мам. И айсбергами несправедливости становятся тогда все те многочисленные знаки внимания, которые мы могли бы оказать им, но не оказали. И никакие потоки самых горьких и покаянных слез не в силах смыть с души тяжкий груз вины за то, что недолюбили их, недосказали самого главного...

Только здесь, когда разлука в «полмира» унесла Сашу в далекий Афганистан и оставила один на один с иной средой, он, впервые затосковав до боли в душе по русским просторам, по отчому дому, в письме признался маме в любви. Вот только в этой весточке с войны, хоть и между строк, было горькое предчувствие беды. Видимо, судьба уже витиевато расписывалась в воздухе изящной ручкой...

«Мама, здравствуй, моя родная! Вот решил написать тебе письмо... Я все нахожусь под впечатлением твоей фотографии. Я от тебя редко что скрывал. И сейчас хочу сказать правду. Ты, мама, здорово изменилась. Похудела, стала грустной, только глаза остались те же, ласковые и добрые, как раньше. У меня по-прежнему все хорошо, только по вам всем очень скучаю... Ну, пока все. До свидания, мамочка! Очень жду нашей встречи, на ужине с блинами... Ваш Алфимкин».

Письмо от Саши было написано 30 ноября 1986 года. А уже 1 декабря его не стало. Вот что удалось узнать от оче-

видца тех событий о последних часах жизни пограничника.

– Нелегко было ребятам в этом бою. В тот декабрьский день застава, пулеметчиком которой был Александр, шла в головном охранении колонны. В горах притаились душманы, они видели цепочку наших солдат и ждали подходящего момента. На входе в кишлак Саша первым заметил неладное. Наверное, он мог рвануть в сторону, спрятаться, притаиться. Но он крикнул: «Духи!» И тут же, не сходя с места, начал стрелять из пулемета. И поэтому на нем одном в ту же секунду было сосредоточено все внимание противника. По нему моджахедаы открыли плотный огонь. Однако, вызвав лавину свинца на себя, прикрывая своих товарищей, Александр дал им возможность подготовиться к бою. И пограничники, правильно выбрав позиции, вступили в схватку. В результате бандиты были уничтожены. Колонна беспрепятственно прошла через населенный пункт.

Ведя неравный бой, Александр выиграл то необходимое время, которое было нужно подразделению для занятия выгодной боевой позиции. Он не дрогнул и в тот момент, когда острая боль пронзила его тело, – пограничник продолжал вести смертельную схватку с врагом. Позже его, тяжело раненного, друзья-однополчане перенесли в безопасное место. Но полученные раны были несовместимы с жизнью: Александр Алфимов скончался в вертолете, не долетев до госпиталя. Ему было всего 19 лет.

Те, кто был рядом с ним в том бою и потом выносил его

еще живого к вертолету, рассказали, что место, на котором он лежал, было открытым, хорошо простреливаемым со всех сторон. Несомненно, что Саша, после того как заметил засаду, явно подвергая себя риску, осознанно не стал искать укрытия и сразу же открыл огонь по душманам. И отстреливался он до тех пор, пока товарищи не пришли ему на помощь. Но к этому моменту множественные ранения не позволили Александру Алфимову передвигаться. По словам его друзей-пограничников, площадка, где лежал Саша, была просто изрыта вражескими пулями.

Кроме Александра в том бою, к счастью, больше никто из пограничников не пострадал. Безусловно, это большая военная удача. Однако вся застава осознавала и тот факт, что именно действия Алфимова позволили всем выйти из критической ситуации без потерь.

Позже в записной книжке Саши сослуживцы прочитали цитату из статьи известного педагога Сухомлинского: «Умей чувствовать рядом с собой человека; умей читать его душу, видеть в глазах его духовный мир. И думай, что все, что приятно тебе, приятно и желательно другим». А далее следовали слова замученного фашистами генерала Карбышева: «Один раз не сможешь побороть себя, потом всю жизнь будешь казнить. Нет большей победы, чем победа над собой».

Анализируя выписанные Сашей высказывания, можно сделать вывод, что для него, человека, посвятившего себя служению Отечеству, самой большой наградой является бла-

годарность и память людей, ради блага которых он жизни не пожалел.

... За мужество и героизм, смелые и решительные действия в этой операции Александр Алфимов награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

По обе стороны границы

Александр Алфимов в начале 80-х годов проходил службу в Таджикской ССР, в Горно-Бадахшанской автономной области, в Ишкашима, на пограничной заставе «Курчум».

Путь из Хорога – столицы ГБАО – до Ишкашима можно преодолеть на автомобиле часа за три-четыре, в зависимости от погоды. Горное шоссе, проложенное по правому берегу Пянджа, буквально облеплено вполне благоустроенными таджикскими кишлаками, что представляет собой яркий контраст с противоположной стороной. На афганской территории в лучшем случае можно увидеть тропинку, соединяющую редко разбросанные, сложенные из камней домишки афганских дехкан.

Появление отдельных бандформирований, провокации на линии госграницы, обстрелы советской территории, нападение на пограннаряды, демонстративные расстрелы мирных жителей и другие акции, как против советских пограничников, так и против жителей приграничья, вынудили советское руководство принять решение о вводе в Афганистан специ-

альных боевых отрядов и взятии под охрану территории соседнего государства на глубину административного района.

Перед пограничниками стояла конкретная задача: не допустить провокаций на границе и защитить местное население от террора со стороны бандгрупп.

Ишкашимский пограничный отряд – один из самых высокогорных отрядов на советско-афганском участке границы. Основой для его формирования явилась оперативно-войсковая группа Восточного пограничного округа КГБ СССР, которая находилась в оперативном подчинении начальника войск Среднеазиатского пограничного округа.

Управление отряда располагалось на высоте 2595 метров, а самая высокая точка, на которой несли службу пограничники, взметнулась ввысь на 4286 метров над уровнем моря. Разумеется, особенности пограничной службы напрямую зависели от физико-географических условий расположения отряда. Резкие перепады давления, физические перегрузки, испытываемые человеческим организмом в условиях высокогорья, отдаленность от центра, практически автономный режим жизнедеятельности – все это давало основания считать Ишкашим одним из самых экстремальных участков границы.

Взять хотя бы погодно-климатические условия. Иначе как парадоксальными их не назовешь. Ишкашимцы, по сути, не знают, что такое «бархатное» межсезонье. Погода здесь кидается из крайности в крайность. Лето наступает в апреле –

мае – неожиданно, резко – и всю пору стоит жаркое, удушливое, влажное. На беспощадном высокогорном солнышке загорать отважится разве что безрассудный – небесное светило вмиг обжигает кожу опасными для здоровья лучами.

О зиме и вовсе разговор особый. Она вступает в свои права где-то в сентябре и ни с чем живым в округе не церемонится. В разгар зимы столбик термометра нередко зашкаливает за отметку минус сорок. Бывали годы, когда она опускалась и гораздо ниже. А если учесть постоянные в этих краях дикие ветры, которые начиная с полудня задувают в узком ущелье, словно в аэродинамической трубе, то приятных ощущений от «проказницы-зимы» маловато. Здесь же и самый большой объем снежных осадков на единицу площади на всем Памире. Снежные заносы на дорогах, на подступах к заставам зачастую могут достигать трех-четырёх метров в высоту и тянуться на многие десятки, а то и сотни метров.

И в таких вот сложных климатических условиях пограничники неустанно трудились, преодолевая капризы природы, но уже без своего друга Александра Алфимова. Уже без него на Земле наступала весна.

Кто не бывал на Памире в разгар весеннего цветения, у того не закружится голова при воспоминаниях о здешних красотах. Прозрачный воздух, наполненный ароматами цветущей сирени и горной медуницы, яркие краски сочного неба и буйной зелени земли, голубизна струящихся горных потоков и хрустально сверкающих источников – такова весенняя

палитра ишкашимского рубежа. Но и пограничникам она головы не кружит: служба у них такая – на созерцание красот природы времени особо не отпускает. Здесь всюду чувствуется тревожное дыхание границы.

Давно подмечено, что граница отбирает себе самых сильных, самых «мобильных», самых высоких духом людей. Но ведь люди-то все равно разные, со своими неповторимыми характерами, неординарными судьбами, с различными взглядами на жизнь. А служат почти все одинаково – не за страх, а за совесть. Должно быть, талант дает сам пограничный рубеж.

Служба на советско-афганской границе постепенно меняла пограничников. Они становились сосредоточеннее, основательнее. Масштабнее начинали мыслить, рассуждать. Во многом это определялось сложной обстановкой.

Начиная с мая 1980 года и до последних дней вывода войск из Афганистана пограничная часть принимала участие в боевых действиях.

Столкновения с душманами с первых дней стали обычным явлением служебно-боевой деятельности пограничников. Они, героически защищаясь, отбивали атаки бандитов. Во всех боестолкновениях, а их было немало, воины в зеленых фуражках проявляли образцы мужества, героизма и самоотверженности. Тогда, впервые после борьбы с басмачеством, на этой земле поднялся первый скромный обелиск в честь воинов-интернационалистов.

Сегодня можно по-разному объяснять участие Советского Союза в той необъявленной войне. Однако, учитывая, что сейчас такие понятия, как бандформирования, терроризм, стали общегосударственными проблемами во всем мире, война в Афганистане выглядит иначе. А словосочетание воин-«афганец» стало символом порядочности, силы и надежности.

Пока мы живы, раны кровоточат

Александр Алфимов был похоронен на Жуковском кладбище в селе Островцы Раменского района Московской области.

После похорон в краеведческом музее Чулковской средней общеобразовательной школы № 20, в которой он учился, была открыта экспозиция «Они служили в Афганистане».

За 21 год, что существует музей, собран большой фактический материал об Александре Алфимове, его семье, пограничной службе, о его однополчанах. Ему посвящен отдельный стенд, знакомясь с которым, понимаешь: герои не умирают, они навечно остаются в боевом строю, воодушевляя молодых воинов на добрые дела.

В музее размещены также ценнейшие экспонаты – уникальные воинские реликвии, исторические документы, фотоматериалы. История оживает при взгляде на пожелтевшие фотографии, посвященные участникам боевых событий в

Афганистане и Чечне, жителям городов Раменское, Бронницы, Жуковский Раменского района.

В это же время в школе была создана группа активистов, которая начала поиск родителей тех солдат, кто не вернулся в район из Афганистана. В этой работе школе помогали В. Демин – сотрудник раменского военкомата, С. Колчин – председатель общественной районной организации «Боевое братство», редакция районной газеты «Грань», администрация сельского поселения «Чулковское» при поддержке главы А. Дроздова.

Из всех выпускников школы в отчий дом не вернулся только Саша, и поэтому было принято решение ежегодно в первую субботу декабря проводить День памяти Александра Алфимова. С тех пор в школе частые гости Сашины однополчане – Андрей Баженов, Александр Белов, Михаил Грузков, Андрей Кукушкин, Олег Пермяков, Анатолий Романов и многие другие.

Однополчане Саши верны и своей второй маме – Зое Ивановне. Ее бесконечная забота и верность отзываются в их душах светом и сердечностью. Ежегодно в День памяти ее сына они собираются в доме Алфимовых. Для Зои Ивановны они всегда находят теплые и душевные слова. Каждому из них есть что сказать этой великой женщине. Для этого случая имеют они что-то в себе, идущее из самых заповедных глубин души. Не стыдятся они открыться ей, чтобы внести свою «строчку» в никогда не устаревающую оду материнской

любви. Многие, уже убеленные сединами, в суете повседневности никогда не забывают о том, кому они обязаны жизнью.

Для них, воинов-интернационалистов, готовых к новым испытаниям, неизменными остаются понятия «долг», «честь», «совесть», «ответственность за судьбу Отечества». Они сумели не только сберечь узы военного братства, но и укрепить их в гражданской жизни. Сумели преодолеть физические и моральные травмы, опираясь, прежде всего, на свою солидарность, взаимоподдержку. Они также сумели доказать, что их объединяет не только общая радость побед или горечь потерь и поражений, но и умение работать, помогать друг другу. Россия и сегодня нуждается в таких людях, которые способны преодолевать трудности, решать самые сложные задачи.

Велика роль наших пограничников в поддержании боевых традиций. К их историческому прошлому в Афганистане нужно относиться не иначе как с глубочайшим уважением. На всех этапах той войны пограничники органически соединяли в себе лучшее, что исстари было присуще часовым границы, – верность и преданность Родине, стойкость и ратное мастерство, высочайшую бдительность и самоотверженность. Они своей доблестной службой, а порой и жизнями «писали» славную историю...

В канун 20-летия со дня вывода советских войск из Афганистана группа офицеров из Центрального аппарата Пограничной службы ФСБ России побывала в музее школы.

От имени руководства Зое Ивановне Алфимовой и бывшим пограничникам – ветеранам боевых действий были вручены грамоты и ценные подарки.

... Знамена, награды, фотографии, письма – сколько таких молчаливых свидетельств вплетены в прочную нить – Историю! А время течет, заканчивают школу ребята, покидают ее стены, на смену им приходят другие мальчишки и девчонки. Но неизменными остаются традиции учащихся школы, которые рождены не один десяток лет назад и продолжают жить и поныне. Традиции и есть точка опоры в вопросе воспитания молодежи. Память в сердцах учителей и учеников школы будет всегда жить, потому что сердце ее бьется в унисон учащенному пульсу памяти. И не подводит, сбоев не дает.

Навеки двадцатилетний

Я никогда не видела лейтенанта Вячеслава Токарева, о котором пойдет речь. И он никогда не узнает о моем повествовании о нем – по той простой причине, что его нет в живых. В наше мирное время он геройски погиб на таджикско-афганской границе, в бою на временном пограничном посту «Тург». Написать об офицере меня подвигла фотография, попавшая мне в руки. На ней запечатлена мама Вячеслава – Мария Михайловна Токарева, стоящая возле памятника сыну – Герою России. Он был установлен в торжественной обстановке на территории школы № 40 города Бийска, в которой учился Вячеслав Токарев. Будучи заместителем ответственного редактора газеты Пограничного управления ФСБ России в Республике Таджикистан, я неоднократно выезжала в служебные командировки в Московский пограничный отряд. Хотелось составить более полное представление о легендарных подразделениях и людях, которые там служили. Но в одну из таких командировок у меня была иная задача, щемящая душу и сердце: я оказалась в составе группы офицеров управления, которые сопровождали родителей погибших военнослужащих на место трагедии – временный пограничный пост «Тург». Вместе с нами были и непосредственные участники того трагического события. Один из них – Олег Козлов. После боя на «Турге» Указом Президента

Российской Федерации ему присвоено высокое звание Героя России. Казалось бы, уже столько написано об этом бое, но каждый раз, когда слышишь рассказы самих участников, по-новому открываешь для себя все происходящее там. Да и как можно уложить в обычные слова всю ту гамму чувств, которые пережили совсем молодые ребята, глядя смерти в лицо. О чем они думали в тот момент, где находили в себе силы противостоять профессионально подготовленным, опытным боевикам, вооруженным всеми видами современного стрелкового оружия, гранатометами? Как объяснить, что происходит в душе человека, который, видя смерть друзей, вызывает огонь на себя... Вероятно, только им одним все это и известно. И мне кажется, чем больше мы будем вспоминать о минувших днях и годах, цепко держать в сознании мельчайшие подробности событий, запавшие по тем или иным причинам в нашу душу, тем больше у нас накопится сил, духовных и нравственных.

Во все века вдвойне жалеют тех, кто уходит из жизни в солдатской форме. Сильнее плачут по ним, потому что солдаты – они молодые и умирают всегда за других. Возможно, кто-то скажет – это судьба. Она сама отыскивает таких ребят и, словно «карты жизненной колоды, легко кладет в фатальный свой пасьянс». Да, наверное, судьба погибших пограничников – отказаться от уюта, покоя, мирного тепла домашних очагов. Ведь они сами выбрали путь, полный тревог и испытаний. Когда надо жить без права на страдание,

друзей до срока хороня, когда надо, выбивая из сердца злую боль, уходить в бой и снова возвратиться живыми, когда надо обрести надежду на покой, а над головой палящее солнце, в лицо нещадный ветер и впереди нескончаемая пыль дорог. Видно, удел у них такой – быть повенчанными с границей. Так-то оно так. Но вот только как все это объяснить матери, потерявшей своего сына? Где найти слова утешения для скорбящего отца?..

Поистине завидную выносливость и силу воли проявил отец лейтенанта Вячеслава Токарева, взбираясь по крутым пограничным тропам. «Здесь проходил наш Славик, – говорил он, – значит, и я пройду!» Говорил сквозь слезы, и, преодолевая отчаяние, с обескровленных губ срывался только один вопрос: «Как же так, сынок?»

Приехал Владимир Петрович из далекого Бийска Алтайского края. Олег Козлов провел его по пограничным тропам, показал ему место последнего боя сына и подробно рассказал о том, как мужественно и решительно действовал их командир Вячеслав Токарев в боестолкновении с бандитами. Олег говорил не торопясь. Порой сбивчиво, но это и понятно: вспоминать те события было достаточно тяжело и больно. «В ночь на 19 августа после интенсивного обстрела реактивными снарядами отряды боевиков численностью более 100 человек при поддержке формирований афганских моджахедов и арабских наемников предприняли попытку захватить и уничтожить погранпосты. В ходе боя погранични-

ки отразили более 15 атак противника, не отступив ни на шаг...»

Так сообщали об этой трагедии на таджикско-афганской границе средства массовой информации. Но из этих сухих сводок с экранов телевидения и радиоэфиров мало кто мог до конца понять всю трагичность происходящего. Сегодня же – слово участнику тех событий. Из того, что рассказал мне Герой России Олег Козлов, четко представлялась картина того ожесточенного боя.

Лето 94-го, особенно последний его месяц, стало для российских пограничников в Таджикистане самым напряженным по количеству боестолкновений, по их масштабу, числу жертв. Резкая активизация диверсионных действий и провокаций боевиков в первую очередь была связана с предстоящими выборами президента Таджикистана и референдумом по новой конституции страны. В эпицентре событий снова оказалась 12-я застава Московского пограничного отряда. Она была одним из самых опасных направлений. В отряде не могли отойти еще от событий июля 93-го, боя на пограничной заставе имени 25 Героев. Смерть пограничников была подобна закату солнца. Они сделали все, что могли, и гораздо больше того, что могли. Тогда 12-я застава приняла на себя удар врага и выстояла, доказав, что пограничники не сдаются и не отступают. Враг получил предметный урок. Однако все понимали, что это только начало.

Полученная пограничниками информация не оставляла

сомнений в готовящемся нападении на временный пограничный пост «Тург» и другие подразделения на участке 12-й заставы. Остатки сожженной боевиками 12-й заставы «Саригора» остались внизу. Новая пограничная застава переместилась после той злополучной ночи значительно выше. Было сделано все, чтобы люди, проходящие службу на этой заставе, не оказались в аналогичной ситуации. Пограничники приходили сюда служить после основательной подготовки, тщательно подбирались офицеры. Значительные работы были проведены по фортификационному оборудованию заставы. Вокруг нее расположились пограничные посты «Тург», «Меркурий», «Гриф», «Навранга», которые закрывали подступы к ней, перекрывая тем самым важнейшие бандитские тропы, караванные пути к переправе через реку Пяндж.

Это трудный, тяжело охраняемый горный участок. Еще во время афганской войны душманы неоднократно пытались закрепиться на нашей территории. В последнее время подобные попытки участились: пограничные посты обстреливались снайперами, реактивными снарядами, минометами.

На одном из этих постов – временном пограничном посту «Тург», который находился на высоте 2215 метров над уровнем моря и был оборудован для обеспечения прикрытия фланга 12-й пограничной заставы, – в это время располагалась десантно-штурмовая маневренная группа отряда.

Старшим на посту был лейтенант Вячеслав Токарев. Молодой офицер после окончания Новосибирского высшего

военного общевойскового командного училища по распределению был направлен для прохождения дальнейшей службы в Забайкальский пограничный округ и назначен заместителем начальника пограничной заставы по работе с личным составом.

Не прошло и года, как по личной просьбе он был откомандирован «для защиты конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения на территории Республики Таджикистан» и вот уже третий месяц исполнял обязанности заместителя начальника погранзаставы десантно-штурмовой маневренной группы Московского погранотряда.

Тогда Вячеслав, конечно, не мог знать, что судьба уготовила ему встать в один ряд с теми героями-пограничниками, кто ценой своей жизни закрыл здесь границу в кровавом 93-м, оставить короткий, но яркий след на скрижалях нашей памяти.

Начальник отряда подполковник Василий Масюк не сомневался в способности Вячеслава Токарева организовать боевые действия в случае обострения обстановки. За небольшой период службы в отряде офицер зарекомендовал себя как профессионал своего дела. На первый взгляд застенчивый человек, тем не менее он отличался от своих ровесников-лейтенантов открытостью характера, принципиальностью, серьезной взвешенностью оценок, спокойствием, рассудительностью, готовностью всегда прийти на помощь

товарищам. И неслучайно снискал любовь и уважение подчиненных и авторитет командования.

И это истинно так. Об этом мне говорили все его сослуживцы. Он не боялся тягот и лишений службы в условиях воюющей границы и уже несколько раз участвовал в боестолкновениях с боевиками. За мужество и героизм, проявленные в боях, Токарев был представлен к ордену «За личное мужество».

Уже с 15 по 17 августа пограничники ощутили на себе «повышенное внимание» боевиков: начались обстрелы реактивными снарядами. Душманы активизировались в своих действиях: перетаскивали какие-то мешки, коробки. Однако пограничникам удалось предупредительным огнем вынудить их отойти. Вот только обстановка в районе поста оставалась напряженной. Некоторый опыт боевых действий в горах Токарев уже имел, поэтому продумывал возможные свои действия в случае нападения на пост. 18 августа... Начинало темнеть. Пограничный пост в это время был подвергнут массированному обстрелу реактивными снарядами. По нему вели огонь из ДШК, РПГ и автоматов «духи», вышедшие к вертолетной площадке и засевшие в «зеленке».

С трех сторон: слева и справа по хребтам, а в центре – прямо по крутому откосу, по камням боевики выходили в тыл пограничного поста под прикрытием пулеметов, безоткатных орудий и реактивных установок. Взаимодействующее с пограничниками подразделение из состава Министер-

ства безопасности Таджикистана, не выдержав натиска атакующих, оставило позиции на левом фланге и отступило в тыл. Это позволяло противнику осуществить выход во фланг и тыл центральной позиции пограничников, создавая угрозу окружения. Видя, что на левом фланге сопротивления нет, противник перенес свои основные силы на правый фланг обороны поста. лейтенант Токарев понимал, что дальнейшая судьба всей обороны поста зависит от удержания рубежа именно на правом фланге. И он принял единственно правильное в создавшейся обстановке решение: выдвинуться с группой пограничников на угрожаемое направление, занять оборону и принять на себя основной удар противника. Организовав систему обороны, Токарев со своими подчиненными сдерживал натиск врага. Сознавая, что помощь подосплет еще не скоро, Токарев приказал вести прицельный огонь, используя каждую пулю по назначению. Бой становился все ожесточеннее. Уже около часа семеро пограничников вели неравное сражение, удерживая правый фланг поста и находясь практически в окружении под лавиной огня боевиков. Воспользовавшись численным перевесом, противник занял тактически выгодное положение и окружил группу лейтенанта Токарева. Весь огонь бандиты сосредоточили на позиции токаревцев. Пограничники понесли первые потери...

Натиск атакующих усиливался. Токарев с пограничниками оказались практически отрезанными от основной позиции поста. Оценив обстановку, офицер решил отходить со

своими людьми к центральной позиции. Он приказал подчиненным, прикрывая друг друга и используя складки местности, спускаться вниз. Козлову же было приказано оставаться на месте и прикрывать тылы.

Надо сказать, что Олег Козлов тогда был назначен снайпером ДШМГ. С Токаревым он неоднократно участвовал в боевых действиях на участках нескольких пограничных застав отряда. Сам он уроженец города Куляба, хорошо знал местность, имел богатый боевой опыт. Среди пограничников пользовался авторитетом, отличался умением мастерски стрелять из личного оружия. Что, собственно, неоднократно спасало жизнь многим пограничникам.

... Увидев, что боевики пытаются зажать пограничников в кольцо, Токарев поспешил к ним на выручку. До ребят было метров 300. Выскочив из траншеи, офицер, стреляя на ходу из автомата, подбежал к окруженным. Убив очередью трех боевиков, пытавшихся забраться на бруствер окопа, лейтенант Токарев уже прыгал в траншею, когда автоматная очередь сразила его...

Никто не думал, что тыл окажется на одной линии с передовой. Прежде чем на наших пограничников обрушился шквал огня, удар в спину приняли на себя те, кто ушел на подкрепление. «Я сопровождал их в оптический прицел своей «эсвэдэшки», – рассказывает Козлов, – и вдруг увидел боевиков там, где, по идее, их не должно было быть. Я стал кричать по радиии. К сожалению, Токарев не видел их. Боевики

открыли по нашим огонь. Больно все это вспоминать. Я старался подпустить «духов» поближе и бил наверняка. Остервенело стрелял из винтовки, пока ее не заклинило. Думал, что это боестолкновение будет для меня последним. Все наши ребята яростно сопротивлялись, ломая планы «духов». Плечом к плечу они сдерживали врага до последней капли крови. Никто не дрогнул, не сломался».

Видя, что командир смертельно ранен, к нему, чтобы оказать помощь, пополз сержант Антон Жердев. Но было уже поздно. Подхватив тело лейтенанта Токарева, он вынес его в безопасное место и укрыл на обратной стороне склона за деревом, заложив тело камнями и прикрыв ветками, чтобы не обнаружили боевики, которые часто глумились над погибшими пограничниками.

«Эх, Слава! Слава! – немного помолчав, продолжил Олег Козлов. – Даже отцом не успел стать... Он навсегда в памяти моей останется храбрым воином, который с честью выходил из самых сложных ситуаций. Слов на ветер он никогда не бросал, пользовался уважением, как человек, дорожащий офицерским званием и честью».

Не могу не отметить, что Олег Козлов скромно умолчал о том, что, видя, как боевики на левом фланге пытаются выйти в тыл поста, он короткими перебежками выдвинулся на оставленную взаимодействующими подразделениями позицию и, укрывшись за одним из камней, в одиночку вел огонь по огненным точкам противника, сдерживая напор атакую-

щих. В течение всего боя между снайперами двух противоборствующих групп завязалась «дуэль», в которой победителем вышел пограничник. Несколькими выстрелами он заставил замолчать расчет гранатомета, который вел огонь по посту. Заняв выгодную огневую позицию, Козлов не позволял бандитам выйти во фланг основной позиции поста. Весь израненный осколками пограничник отстреливался до тех пор, пока не потерял сознание.

... Душманы атаковали. После того как прервалась связь со старшим поста лейтенантом Токаревым, командование поста взял на себя Олег Хмелев. Отправив состав поста в укрытие, лейтенант Хмелев со связистом рядовым Шарфутдиновым, находясь практически на открытой местности и рискуя жизнью, корректировал огонь артиллерии пограничного отряда. Снаряды ложились в 100 метрах вокруг позиции поста, вынуждая противника спешно отступить. Понимая всю меру ответственности за жизнь своих подчиненных и за удержание позиции, офицер продолжал вызывать огонь на себя.

Используя огонь артиллерии и возможности подошедшего резерва от Министерства безопасности Таджикистана, лейтенант Хмелев с рассветом следующего дня организовал дерзкую контратаку и, отбив занятую противником позицию, восстановил систему обороны временного пограничного поста «Тург». Важный узел обороны был удержан, никто из солдат, подчиненных лейтенанту, не пострадал.

Не добившись успеха при штурме «Турга», боевики атаковали высоту, оборону которой возглавлял заместитель начальника 12-й заставы старший лейтенант Сергей Медведев. Умело организованная оборона и мужество пограничников позволили дать достойный отпор врагу. В это утро в небо были подняты боевые пограничные вертолеты. С промежутками 30–40 минут 12 вертолетов нанесли несколько ракетно-бомбовых ударов по наступающим боевикам, позициям их огневых средств и переправ. При этом отличились экипажи майоров В. Тарасова и В. Усова. Вскоре к вертолетам подключилась авиация Коллективных миротворческих сил. Подошел резерв Московского погранотряда и мотострелки 201-й дивизии.

Понеся большие потери, противник отступил. Так был удержан важнейший узел в системе обороны заставы и отряда в целом. Коварные планы противника, несшие смерть и разрушение на территорию Таджикистана, были сорваны...

В ходе боя героически пали командир поста «Тург» лейтенант В. Токарев, младший сержант Н. Смирнов, рядовые С. Пеньков, Б. Бекиров, М. Шохназаров, А. Валиев, Д. Исмонов. Получили ранения, но не покинули поля боя старший лейтенант С. Медведев, рядовые С. Белов, В. Буриев, Ш. Шарафутдинов. Кроме них были ранены еще несколько пограничников.

Как стало известно позже, в нападении и попытке захвата временного пограничного поста «Тург» участвовали 60 бое-

виков Движения исламского возрождения Таджикистана, 40 афганских моджахедов и арабских наемников. Их поддерживала артиллерия с ближайших высот.

За мужество и героизм, проявленные в ходе боестолкновения, старший лейтенант Сергей Медведев и лейтенант Олег Хмелев были удостоены высокого звания Героя Российской Федерации.

Лейтенант Вячеслав Токарев и младший сержант контрактной службы Николай Смирнов удостоены этого высокого звания посмертно...

Покидая заставу, Владимир Петрович Токарев поклонился в пояс обелиску воинам, погибшим при охране границы. Он был установлен на месте боя, героического подвига пограничников временного пограничного поста «Тург». На мраморной плите выбиты фамилии 12 офицеров, сержантов и солдат, которые погибли в боестолкновениях на «Турге» 18–19 августа и при разминировании бандитского схрона у скалы «Доска почета» в сентябре 1994 года. Поклонился и поблагодарил пограничников за память о его сыне...

События недавнего прошлого, примеры героизма и мужества российских пограничников, ценою своей жизни отстоявших вверенный им рубеж, не должны стереться в наших сердцах, ибо те, кто, презирая смерть, выполнял свой воинский долг, шагнули в бессмертие. И пусть все звезды – и земные на обелисках, и небесные – выстроятся в ряд над ними. И пусть они обязательно им светят!

Похоронен Вячеслав Токарев на Аллее Славы городского кладбища Бийска. Прошли годы. Вот только гнетущая тоска тяжелой печатью легла на души родителей Вячеслава – Владимира Петровича и Марии Михайловны – после той страшной трагедии в Московском пограничном отряде. Понятно, что боль потери никогда не утихнет и скорбь не пройдет. Но они мужественные и сильные духом люди, безмерно горящие, но не сгибающиеся под тяжестью утраты. Не ожесточились их сердца. Напротив, в память о сыне, о бессмертном его подвиге отец и мать нашли в себе силы жить дальше...

Думается, каким бы скорбным и трагическим ни было событие, о котором велась речь, отрадно, что и в наше непростое, а порой и жесткое время люди не черствеют душой, хотят сохранить память о погибших друзьях. Не только в сердцах, но и в делах. Имя Героя России лейтенанта Вячеслава Токарева было присвоено одной из пограничных застав, расположенной в Республике Алтай.

Решением Бийской городской думы на школе № 40 города Бийска установлена мемориальная доска. В самой школе создан музей, посвященный Герою. А на территории учебного заведения ему установлен бюст. На мемориале героев-выпускников Новосибирского ВОКУ также установлен бюст лейтенанта Токарева. Наверное, глубоко символично и то, что и на доме, где проживал Вячеслав в Бийске, тоже установлена мемориальная доска. И как же для всех нас важно, чтобы люди, проходящие мимо дома, хоть на мгновение за-

думывались бы над тем, что и в 20 лет можно оставить яркий след в жизни...

Живу и помню

Генерал-лейтенант Резниченко Николай Семенович родился 23 марта 1952 года в станице Кабардинской Аппшеронского района Краснодарского края. В 1974 году окончил Высшее пограничное военно-политическое училище им. К. Е. Ворошилова. Проходил службу в должности заместителя начальника пограничной заставы по политической части, начальника пограничной заставы.

В 1982 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1994 году – Военную академию Генерального штаба, работал в Центральном аппарате ФПС России.

С 1995 по 1996 г. – начальник штаба – первый заместитель командующего Калининградской группой ПВ РФ, а с 1996 по 1998 г. начальник штаба – первый заместитель командующего Кавказским особым пограничным округом. С марта 1998 года – командующий Группой ФПС России в Республике Таджикистан.

Награжден государственными наградами: орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За личное мужество», медалями.

После окончания Второй мировой войны прошло более 65 лет. Но мирными их можно назвать лишь условно: произошло множество военных конфликтов и войн. Среди них

– та, которую в наших средствах массовой информации долгое время называли «необъявленной», «неизвестной», «интернациональной», достойной морального и политического осуждения, а первоначально – оказанием интернациональной помощи дружественному народу Афганистана.

Афганская война, пропустив через свои жернова более полумиллиона человек в наиболее жизнеспособном, активном возрасте, стоила стране около 15 тысяч убитых, около 60 тысяч калек и инвалидов. Своим черным крылом она накрыла практически все нации и народности СССР, оставив не только тысячи могил, но и глубокие, незаживающие раны в душах и сердцах ее участников и их близких.

К великому сожалению, не сделано пока попыток сказать об этой войне всю правду, хотя в свое время о ней писали много. Можно по-разному оценивать военное участие Ограниченного контингента советских войск в судьбе суверенного государства, трудно и противоречиво ищущего свой путь развития в мировом сообществе, но в одном можно быть уверенными: войны проигрываются политиками, а не армией. Солдаты и офицеры войну в Афганистане не проиграли. Верные присяге, убежденные в том, что защищают интересы Родины и оказывают дружественную помощь соседнему народу, они выполняли свой воинский долг.

Наверное, чтобы воссоздать подлинную историю афганской войны, исследователям понадобится не один десяток лет. И тем дороже для нас слова правды о ней непосредствен-

ных ее участников. Именно это и подтолкнуло меня написать о некоторых событиях, в которых Николай Резниченко принимал участие с 1984 года до вывода войск в феврале 1989 года, рассказать о мужестве тех солдат и офицеров, на чью долю выпало тяжкое бремя войны...

Долгое время факт присутствия советских пограничников на территории Афганистана старательно умалчивался. Но они там играли далеко не последнюю роль.

Каждое подразделение наших войск имело так называемую зону ответственности. Перед пограничниками стояла задача обеспечения безопасности Государственной границы СССР со стороны Афганистана. Они отвечали за то, чтобы примерно в стокилометровую зону, протянувшуюся вдоль линии границы, не проникли душманы с целью террористических действий. На нашей территории, в пограничных частях, находились подготовленные резервы.

Знакомство с Афганистаном у Николая Резниченко произошло весной 1983 года во время его стажировки в Московском пограничном отряде. Он слышал о том, что весна в Средней Азии прекрасна. Вот только красота ее на фоне войны воспринималась иначе. Всюду по степи, по долинам цвели тюльпаны и маки. Но казались эти обширные пространства алой кровью молодых русских парней, погибших при выполнении воинского долга.

По окончании стажировки он вернулся в Закавказский пограничный округ, в Пришибский отряд. Спустя некоторое

время ему было приказано прибыть в Москву к начальнику пограничных войск генералу армии В. А. Матросову. Решался вопрос о его назначении на должность начальника полевой оперативной группы, дислоцированной в Афганистане.

Первые дни пребывания Резниченко в этой стране стали переломными, разграничив время и события на до и после войны. К тому времени был накоплен богатый опыт оперативно-боевой деятельности наших спецподразделений, и, изучив его, офицер смог сориентироваться в сложной, быстро меняющейся обстановке.

Наша вторая мотоманевренная группа, Термезского пограничного отряда, базировалась в Ташкургане. Она была многочисленной и технически хорошо оснащенной. В распоряжении пограничников находились оптические средства, мощное оружие, сильная радиосвязь. В ее состав входила полевая оперативная группа, которой Николай Семеновичу предстояло командовать. В его подчинении оказался сплоченный, опытный, готовый к выполнению любых задач коллектив: заместитель – майор Олег Иванов, заместитель по разведке – майор Виктор Нарожный, старший офицер разведки, переводчик и два солдата. С этими военно-служащими Резниченко довелось вести боевые действия как на границе, так и на территории Афганистана.

Успех операций в боевых условиях решали порой даже не минуты – секунды, поэтому в оперативной группе офицеры знали свои задачи, все было отлажено до автоматизма. Да

и сама служба в Афганистане воспитывала выдержку, бдительность, предполагала полную взаимозаменяемость. Самой высокой наградой для Резниченко, как, впрочем, и для любого командира, было то, что в ходе проводимых операций они не потеряли ни одного человека. Это достигалось постоянным соблюдением всех правил, приказов и уставов, жесткой дисциплиной, недопущением даже малейших нарушений. Для воина, совершившего проступок, самым страшным наказанием было признание его недостойным служить в мотоманевренной группе с последующей отправкой в Союз.

Шли месяцы пребывания Николая Резниченко на афганской территории, продолжались его боевые будни. Поначалу мотоманевренной группой в районе Ташкургана проводились оперативно-розыскные мероприятия, операции по очистке кишлаков от бандформирований и работа с местным населением. Некоторые современные политики пытаются обвинить наши войска в том, что они воевали с мирными жителями. Это неправда. Борьба шла не с народом, а с группами, явно настроенными против официальной власти. При этом пограничники стреляли только в ответ на выстрелы. Населению же Афганистана, а точнее – жителям его приграничных районов – воины в зеленых фуражках, доставляли гуманитарную помощь: продукты питания, одежду и обувь, предметы домашнего обихода. Эта безвозмездная помощь оказывалась из фондов наших среднеазиатских республик и за счет войск. Пограничники несли афганскому на-

роду не горе и беды, а добро и цивилизацию. Благодаря их заботе во многих кишлаках были открыты школы, завезена мебель, присланы из Советского Союза школьные принадлежности. Дети этих кишлаков были одеты, обуты и накормлены. Кроме того, в районах дислокации наших гарнизонов была налажена постоянная медицинская помощь населению. Конечно же, все это сыграло положительную роль, принятые меры свели к минимуму враждебные акции на границе, обеспечили сохранение контроля правительственных сил над жизненно важными приграничными районами, сорвали планы по захвату территории провинции и установлению в ней режима, враждебного правительству Афганистана.

Не раз доводилось Николаю Резниченко участвовать в боевых операциях. Афганские названия: Мазари-Шариф, Бармазит, Андхой, Шиберган, Кальдар он узнал не только по карте.

Боевое крещение офицер получил 17 сентября 1984 года во время операции, которая проводилась в районе Балха, недалеко от кишлака Бармазит. Руководил ею подполковник И. Келембет. Планомерность подготовки операции позволила всесторонне обучить личный состав, изучить противника и местность боевых действий, подготовить технику и оружие, сосредоточить материальные средства. Благодаря грамотным действиям разведчиков во главе с сержантом Петровым были раскрыты основные опорные пункты противника, размещение средств ПВО. Все это позволило погранични-

кам нанести решительный удар, тем самым отсечь мятежников от местного населения. Операция завершилась удачно, без потерь среди наших воинов. В ходе боя были захвачены пленные, трофеи. С одним из пленных Николаю Семеновичу предстояло встретиться. Вместе с Иваном Федоровичем Келембетом, взяв с собой переводчика, они отправились к месту дислокации группы.

Оставалось всего несколько метров, когда бандиты открыли огонь. Они наседали упорно и яростно. Организовав оборону, приняли решение наладить связь, вызвали вертолеты из Мазари-Шарифа для нанесения бомбо-штурмового удара. Едва Резниченко успел подняться на бронетранспортер и надеть шлемофон, как наш БТР был поврежден выстрелом из гранатомета. Результат взрыва – множественные осколочные ранения в грудь, бедро, контузия. Голова его гудела, словно колокол. Наводчика ранило в ногу. Впоследствии из него извлекли около 60 осколков.

Иван Федорович тут же бросился на помощь. Для транспортировки раненых подогнал вплотную бронетранспортер, связался с руководством по рации, доложил обстановку. Затем «успокоил» Николая Семеновича, сказав, что в Термезском госпитале его ожидает операционный стол.

Поистине, дата 17 сентября 1984 года навсегда врезалась в память офицера – это день его второго рождения. Но судьба продолжала испытывать на прочность. По дороге в госпиталь Резниченко проявил неосторожность: попросил води-

теля БТР принести воды из колодца. Как потом выяснилось, источник был инфицирован палочкой брюшного тифа. Так что тяжелые последствия его ожидали впереди...

После перенесенной операции направили Резниченко в Душанбе, в госпиталь. Болезнь не отступала. В череде заболеваний появилось еще одно – отек легких. Но медики в борьбе за его жизнь вышли победителями. Особо хотелось бы отметить помощь и заботу врача Баромбека Шерикова. Чтобы отвоевать пограничника у смерти, вернуть в строй, он сделал все возможное и даже невозможное. На службу в Ташкуртан Николай Семенович вернулся в январе 1985 года.

Душманы активизировали боевые действия против пограничников, применяя все виды оружия. В этом Резниченко пришлось убедиться уже на следующий день после прибытия в группу. В районе Калайи-Заль проводилась боевая операция. Оперативной группе, которой командовал офицер, была поставлена задача по блокированию южной части кишлака. В бой пришлось вступить с ходу. В короткой, но ожесточенной схватке пограничники без потерь достигли цели. Группа возвратилась к месту своей дислокации. Но в этот же день бандиты блокировали 6 наших постов. На них обрушился смертоносный огненный ливень. В отличие от предыдущего, этот бой был продолжительным. С честью и достоинством вышли из него воины, отбив все атаки. В ночь миннометная батарея израсходовала около шестисот 120-миллиметровых мин. Ранило офицера Юрия Архипова. Его необ-

ходимо было срочно эвакуировать в безопасное место. Осуществлял эвакуацию командир вертолета старший лейтенант А. Просвирнов. Впоследствии он был командиром авиаэскадрильи, дислоцированной в Хороге. Эта операция лишь подтвердила тот факт, что душманы действительно активизировались, проявляя при этом неописуемую агрессию. Они грабили местное население в районе Ташкурмана, похищали скот, но главное – обстреливали место дислокации группы. В связи с этим была дана команда – тщательно изучить обстановку, внести предложения по ее стабилизации. Вывод напрашивался один – необходимо провести операцию по ликвидации бандформирований.

Накануне Резниченко неоднократно выезжал в Мазари-Шариф, где проходили совещания и вырабатывались решения на проведение Ташкурманской операции. Последние сомнения развеялись как дым после того, как Николай Семенович увидел опустевшие кишлаки. Уход местных жителей в глубь Афганистана свидетельствовал о неизбежности обстрела Термеза. Трем боевым группам, среди которых была группа под командованием Резниченко – Ташкурманская, Мазари-Шарифская и Мардианская (ею тогда командовал полковник А. Лобов, позже он был заместителем начальника штаба Пограничной группы ФПС России в Республике Таджикистан), было приказано отыскать местных жителей по всей территории зеленой зоны и вернуть их в кишлаки. К моменту окончания этого мероприятия замысел Таш-

курганской операции с небольшими поправками был утвержден. Он состоял в том, чтобы с позиции гарнизона нанести огневой удар по базе противника, вертолетами подавить его боевые средства, высадить десант и совместно с подошедшими наземными силами завершить уничтожение группировки душманов, базу ликвидировать. Проведение операции намечалось в двух районах. Десантникам поставили задачу занять непосредственно горные базы вокруг Ташкургана, а пехоте – обеспечить прикрытие десантно-штурмовой группы снизу. В операции задействовались: группа от мотострелкового полка 40-й армии, мотоманевренная группа Пянджского погранотряда, десантно-штурмовая маневренная группа Керкинского пограничного отряда, нештатная десантно-штурмовая застава. Руководил операцией Шляхтин Владимир Иванович – начальник войск Среднеазиатского пограничного округа.

Погода в горах меняется быстро, да еще весной (шел март 1985 года). От пограничников требовалось начать действия только при устойчивой погоде. Однако все произошло не совсем удачно: в тот день стоял туман до самой равнины. Авиация действовать не могла. Руководителем операции была поставлена задача: выставить блокпосты вокруг Ташкургана в тех местах, где возможен прорыв противника. Огромную помощь в ее выполнении Резниченко оказывали: майор Сергей Гордеев, начальник инженерной службы оперативной группы в Душанбе, старший лейтенант Владимир Филин – ком-

сомольский вожак оперативной группы. Дорогу, ведущую к одному из блокпостов, знали хорошо. Ранее по ней ездили наши бронетранспортеры.

Взгромоздившись на броню, пограничники отправились в путь. С колеи никуда не сворачивали. Вроде бы ничего не предвещало беды. Но тишина в горах обманчива. Раздавшийся взрыв подтвердил это. Машина с нашими военнослужащими левым колесом наехала на мину. Пыль, дым, кровь... И водитель, и все, кто сидел на броне, получили ранения. Вновь госпиталь. К счастью, Ташкурганская операция завершилась удачно, но уже без Резниченко. В ходе боя захватили в плен одного главаря, большое количество минометов, пулеметов, реактивных снарядов, противотанковых и противопехотных мин иностранного производства и другого оружия. А самое главное – база противника прекратила свое существование.

Поправившись после очередного ранения, Николай Семенович вернулся в Афганистан. Потянулись будни. Как на всякой войне, и на этой тоже трагическое соседствовало с героическим. В историческом формуляре полевой оперативной группы, которой командовал Резниченко, многие страницы заполнены примерами доблести, мужества, воинского братства. Особой строкой в ней вписана операция в горах Альбурз. Он и сейчас вспоминает ее с особым трепетом в сердце.

... Лето 1985 года. Руководством пограничных войск бы-

ло принято решение на проведение операции в горах Аль-бурз, которые находятся в 35 километрах юго-западнее города Мазари-Шариф. Задача стояла следующая: силами мотоманевренной группы обеспечить прикрытие действий десантников.

К месту боя прибыли с рассветом. Местность – хуже не придумаешь: неприступные горные кручи, зной, пыль, выжженная горячим солнцем земля. По краям редких арыков – плотный кустарник.

Две десантно-штурмовые маневренные группы Керкинского и Пянджского пограничных отрядов высадились в ущелье Гордара. У противника на господствующих высотах располагались огневые позиции с крупнокалиберными пулеметами. Небо то и дело вспарывалось всполохами длинных трассирующих очередей. Один из вертолетов был подбит. Приземлился он на площадке, рядом с которой находилась оперативная группа Резниченко. Осмотрев машину, пограничники обнаружили восемь пробоин. Из операции она, естественно, была выведена. Часа через два еще одна «вертушка» попала под обстрел противника. На этот раз все оказалось намного трагичнее. Вертолет начали обстреливать еще на подлете. Но пилоты сумели удачно его посадить и высадить десант. При взлете вертолет вновь попал под огонь ДШК и начал терять высоту. Но благодаря умелым действиям летчиков винтокрылая машина приземлилась. Едва успел экипаж покинуть «вертушку», как она тут же загорелась, а

затем и взорвалась.

Временное затишье наступило, когда в горы опустились сумерки. С наступлением утра – вновь трагедия. При подходе к месту высадки был обстрелян третий вертолет. И командир экипажа В. Рущкевич, и второй пилот были убиты. Машина, падая в ущелье Акдара, загорелась.

Десантникам, находящимся на вершине горы, удалось обнаружить обгоревшие трупы погибших летчиков. Спуститься им в ущелье не представлялось возможным. Тогда руководитель операции полковник Коробейников М. М. связался с Резниченко, приказал выдвинуться в ущелье и вынести тела наших боевых товарищей.

Взвесив все за и против, офицер решил, что отправиться на поиски погибших ему необходимо самому. Он собрал группу опытных и хорошо знающих свое дело парней.

В нее входили 21 солдат и 3 офицера – Виктор Пичугин, Игорь Мирошниченко и Василий Пискун. Дорога предстояла долгая и опасная.

Выехали рано утром, перед рассветом. По пути встретили около 50 сарбозов с двумя танками и «ГАЗ-66». Они рассказали о том, что в ущелье душманы оказали упорное сопротивление, использовав отлично оборудованный опорный пункт. Оценив обстановку, Резниченко принял решение: с ходу вступить в бой. Афганцы, в свою очередь, стали поддерживать пограничников боевыми машинами. Они выдвинулись в направлении ущелья. Для такой техники дорога бы-

ла узкой, а следовательно, труднопреодолимой. Кроме этого, никто не исключал возможности ее минирования.

Танк все-таки сумел вписаться в поворот, но тут же подорвался на mine. Все опасения наших офицеров оправдались. Естественно, движение было приостановлено. Резниченко понимал, что осуществлять буксировку придется под непрекращающимся огнем душманов. С опорного пункта их пулеметы не замолкали ни на минуту. От пуль спасали лишь большие валуны. Он вызвал офицера Василия Пискуна и саперов. Следовало произвести проверку местности, преодолеть поворот, за которым находился подбитый танк, и попытаться зацепить трос, чтобы возможно было отбуксировать его назад.

Саперы обнаружили 500-килограммовую неразорвавшуюся бомбу, под которой для усиления было около 200 килограммов взрывчатки. Лишь по счастливой случайности душманы не успели ею воспользоваться. Благодаря грамотным и решительным действиям пограничников фугас был обезврежен. Однако продвижение в глубь ущелья не представлялось возможным. Душманы били со всех сторон: с одной – пулемет из дзота, противотанковая пушка – с другой. Связавшись со своим руководством, доложив обстановку, Резниченко внес ряд предложений по дальнейшему проведению операции. Дали «добро». На следующий день начали блокировать противника. Проведенный маневр силами и средствами, правильно расположенные пулеметы, гранатометы пода-

вили огневую мощь моджахедов, позволили нам выполнить поставленную задачу.

Мятежники были уничтожены. Продвижению людей и техники на этом участке дороги ничего не угрожало. Наконец-то группе Резниченко удалось добраться до той площадки, где находились останки погибших летчиков. Найти тела двух членов экипажа не составило особых трудностей. А вот с остальными было сложнее. Результатом поиска явился маленький ящичек, в который поместилось все, что осталось от двух других пограничников...

Огневая точка противника не давала покоя. Необходимо было ее уничтожить. С этой позиции моджахеды подбили три наших вертолета. На четвертые сутки с начала операции пограничники вплотную подошли к ней. Для успешного завершения операции Николай Семенович разделил военнослужащих на три подгруппы, две из которых должны были подняться вверх по склону горы. Возглавляли их офицеры Виктор Пичугин и Игорь Мирошниченко.

... Сказочны горы в момент наступления сумерек. Даже война не может уничтожить их величественную красоту. Пейзаж необыкновенен. Хотя ущелье и засыпает напряженным сном, невольно любишься звездным небом.

Тишину ночи нарушили душманы, открывшие огонь по группе Виктора Пичугина. Не одну яростную атаку отбили ребята. С рассветом в бой вступили остальные пограничники. Огневые точки противника были уничтожены. Опорный

пункт прекратил существование, ущелье было свободным.

В ходе этой операции группе Резниченко достались немалые трофеи: автоматы, пулеметы, боеприпасы. Одних только «итальянок» 350 штук. Нельзя не отметить тот факт, что в самой популярной программе тех дней «Время», несмотря на неафишируемый характер боевых действий, исходу этой операции был посвящен целый информационный блок.

Памятна Николаю Семеновичу и операция в районе Тахта-Базар. Душманы намеревались захватить и уничтожить гарнизон «Кайсар», в котором дислоцировалась его мотоманевренная группа. Трое суток пограничники держали оборону. За это время гарнизон систематически подвергался минометному обстрелу. В его расположение упало около 150 эросов и мин. К счастью, никто не пострадал. Командовал действиями группы майор Николай Ветошкин, заместитель командира по политчасти.

В это время Резниченко находился на заседании Военного совета. Как только вернулся в Тахта-Базар, ему сразу же доложили обстановку в гарнизоне. Связавшись с замполитом, уточнил ситуацию, выслушал предложения. Операция пограничниками была четко спланирована. На этот период в подчинении Резниченко была десантно-штурмовая маневренная группа. К месту действия прибыли вертолеты, которые «обработали» позицию душманов ракетными ударами. Пограничники десантировались прямо на опорные пункты моджахедов. Проявив мужество и отвагу, выбили их оттуда.

До самого вывода войск в гарнизоне «Кайсар» не раздалось ни одного выстрела. Многие воины в зеленых фуражках были представлены к государственным наградам.

Впоследствии проводились операции по обеспечению безопасности госграницы. Среди них – захват базы Дарбанд, блестяще проведенный генералом А. Н. Мартовицким. В нем принимала участие также мотоманевренная группа Тахта-Базарского отряда.

Наступило время вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Предстояла операция по снятию всех мотоманевренных групп округа, его гарнизонов. На участке отряда под командованием Резниченко первым выходил гарнизон «Кайсар», затем следовали пять других, находящихся на стыке границ двух государств, и гарнизон «Карабах». Далее мотоманевренные группы из Калайи-Нау и Бала-Мургаба. Вместе с группой Калайи-Нау покидали провинцию партийный работник Сергей Тепляков и советнический аппарат. Машина, в которой они следовали, подорвалась на mine. Пострадавших, к счастью, не было. Что касается мотоманевренной группы Бала-Мургаба, то им на протяжении 12 километров, которые требовалось преодолеть, пришлось разминировать 20 мин.

Когда пограничники уходили, как известно, самыми последними, прикрывая вывод всех остальных войск, у многих местных жителей на глазах были слезы. Ликования не было – народ понимал, что он немало теряет с уходом совет-

ских войск. Пограничники покидали Афганистан с чувством выполненного воинского долга. Они не допустили ни одного пленения, захвата, не оставили ни одного трупа на чужой земле.

С выводом в феврале 1989 года с территории Афганистана действовавших там частей и подразделений пограничных войск обстановка на советско-афганском участке границы продолжала оставаться напряженной. С учетом этого в войсках Среднеазиатского пограничного округа были приняты меры по увеличению плотности охраны границы за счет формирования новых частей, комендатур и застав. Были усилены резервы пограничных отрядов, в том числе вновь сформированными минометными дивизионами, введением в некоторые отряды боевых машин реактивной артиллерии «Град».

... Сегодня афганская война все дальше уходит в прошлое. Но она не кончилась и никогда не закончится ни для тех, кто ее прошел и остался в живых, стал инвалидом и мается по госпиталям, ни для близких и родных погибших. Она была разной для офицеров и солдат, для тех, кто входил в Афганистан в 1979 году и кто выходил из него последним в феврале 1989 года. Общим у всех было чувство исполненного воинского долга и непроходящая боль за потерянных боевых друзей. Они несли в себе не только мужество, но и огромное и столь нужное сейчас нам чувство справедливости.

Виталий Шевелев. За завесой секретности

*Моим боевым товарищам,
живым и павшим в Афганистане,
посвящаю*

Памирский вариант

В апреле 1978 года национально-демократическая революция провозгласила создание нового государства – Демократической Республики Афганистан. Советские пограничники наблюдали, как там, за Пянджем, ликующие толпы местных жителей под красными флагами и транспарантами собирались на митинги, провозглашали здравицы Тараки и его соратникам, славили новую, народную власть. Вряд ли эти малограмотные, забитые нищетой и непосильным трудом люди ясно представляли, что изменится в их жизни. Но, видимо, появилась в их беспросветном существовании призрачная надежда на лучшее. Прошел год. Чаяниям афганцев не суждено было сбыться. На землю Афганистана пришла война.

До сих пор в нашем обществе еще бытует мнение: дескать,

ввод советских войск в Афганистан породил эту ужасную войну. Это не так. Многие пограничники задолго до принятия решения о вводе войск видели, как афганские бандиты резали своих соотечественников на том берегу Пянджа. От душераздирающих воплей истязаемых кровь стыла в жилах. Кровопролитие «за речкой» уже «набрало обороты». Мы ушли из Афгана четырнадцать лет назад. Что изменилось?..

Так вот, тогда, во второй половине 1979 года, обстановка на советско-афганской границе крайне обострилась. Особую тревогу вызывал памирский участок. Душманы выходили к линии границы, грабили население афганского приграничья, зверски расправлялись с теми, кто поддерживал саурскую (апрельскую) революцию. Афганцы молили советских пограничников помочь им, защитить от банд. Жители некоторых кишлаков, бросая обжитые места, переселялись на берег Пянджа, ближе к нашим заставам, в надежде на защиту. За рекой напротив советских застав возникали целые поселения. Просьба о помощи стала центральным вопросом погранкомиссарских встреч. Возникла реальная угроза нападения и для нашего приграничья. Необходимо было предпринимать какие-то меры. И тогда было принято решение о проведении демонстрационных мероприятий.

Здесь следует отметить, что это и почти все последующие решения о действиях пограничников принимались и утверждались на самом высоком уровне. Необходимо отдать

должное начальнику пограничных войск СССР генералу армии В. А. Матросову, его заместителю генерал-полковнику И. П. Вертелко, начальнику войск Среднеазиатского погранокруга генерал-лейтенанту И. Г. Карпову и сменившему его на этом посту генерал-лейтенанту Г. А. Згерскому. Эти военачальники со знанием дела вникали во все детали боевых операций, нередко осуществляли непосредственное руководство их проведением, контролировали повседневную деятельность гарнизонов. Кого-то из этих боевых генералов уже нет в живых, а со здравствующими меня давно не связывают какие-либо служебные отношения, и хотя бы поэтому в моих строках подхалимажа быть не может. Я, как очевидец и участник афганских событий, точно знаю, что они сделали все возможное, чтобы сохранить жизнь своим подчиненным, чтобы к тысячам матерей вернулись сыновья.

В соответствии с поставленными боевыми задачами оперативно перестроили свою работу политотдел, штаб погранокруга. Не могу не упомянуть своих боевых друзей, коллег и начальников, с кем вместе окунулись в эту огненную купель: начальник политотдела округа генерал Запорожченко, политработники полковники Панфилов, Филатов, Наумов, представители командования округа генералы Харичев, Янков, Артыкбаев, Гафаров. С первых дней в боевых подразделениях, сменяя друг друга, работали офицеры Политуправления погранвойск: Мельников, Ходжаев, Луговкин, Карчмит, Мохов, Филатов, Сергеюк, Круглик и другие. В феврале

1980 года на заставе «Июл» Московского отряда были сосредоточены сводные боевые отряды (СБО) и десантно-штурмовые группы для предстоящих операций. В это время здесь побывали генералы Б. И. Коровин, в то время он работал в ЦК партии, и заместитель начальника Политуправления войск В. П. Нагибин. Их встречи с офицерами, личным составом подразделений были очень важны для нас. В беседах были высказаны высокие оценки действиям воинов в этих экстремальных обстоятельствах. А это имело большое значение, особенно в тот, начальный, период.

Но вернемся к демонстрационным мероприятиям. Они осуществлялись следующим образом: подразделения пограничников на бронетехнике, с полным вооружением передвигались вдоль участка границы и выходили на боевые позиции против тех населенных пунктов Афганистана, где появлялись банды. Это оказывало определенное воздействие. Но только первое время... Просьбы афганской стороны о помощи продолжались.

Группа офицеров Главка прибыла в Душанбе за сутки до нового, 1980 года. Задача: вылететь в Хорог, ознакомиться на месте с обстановкой, с действиями наших подразделений и оказать им помощь. Группа была сформирована с явным прицелом на решение боевой задачи: офицер боевой подготовки, артиллерист полковник Кулаков, танкист полковник Фетисов, политработник полковник Мельников, офицеры службы вооружения, тыла (не помню фамилии этих това-

рищей). Интересно, знали ли они тогда о предстоящем вводе пограничных подразделений в Афганистан? Возможно, и для них это явилось полной неожиданностью. Я не оговорился и подчеркиваю еще раз: именно о вводе боевых пограничных подразделений в ДРА. Обращаю на это внимание потому, что почему-то сейчас официально считается, что ввод произошел в начале 1982 года. Тогда в приграничную зону, на глубину 60—100 километров, вошли мощные, прекрасно подготовленные во всех отношениях мотоманевренные группы. Они формировались с учетом имеющегося опыта, который был наработан сводными боевыми отрядами и десантно-штурмовыми группами за предыдущие два года (1980—1981). Этот боевой опыт оплачен очень дорогой ценой, и замалчивать это не следует. Он был самый трудный, потому что все было в первый раз. Но пока важно было добраться до цели. В качестве представителя местного командования лечу с группой. Учитывая зимнюю памирскую погоду, добраться до Хорога — дело весьма сложное. В нормальных, благоприятных условиях полет от Душанбе длится 40—45 минут. То есть самолет набирает высоту и почти сразу же идет на снижение — начинается авиационный «балет» в узком Рушанском ущелье. Иначе невозможно выйти на посадочную полосу в Хорогском аэропорту. Честно говоря, первый раз жутковато наблюдать, как пилот выруливает в этом извилистом коридоре, едва не касаясь крыльями своего Ан-24 гранитных выступов. Тогда нам повезло. По-

года стояла летная, и 31 декабря во второй половине дня мы оказались в Хороге. Представители Москвы начинают работать в местном погранотряде. Алгоритм действий в этих случаях известен: краткое совещание, доклад командования отряда об обстановке, действиях душманов и наших ответных мерах, прогнозирование вероятного развития событий. Начальник отряда Малютин, начальник политотдела Казаков, начальник штаба Файзиев – офицеры в высшей степени профессиональные, глубоко знающие свое дело, несмотря на сравнительную молодость, имевшие большой практический опыт. Поэтому информация четкая, исчерпывающая, максимально сжатая. Но время уходило неумолимо. Выезд в боевые подразделения отложили. Наступила ночь. Двигаться по горной дороге, не включая автомобильных фар, невозможно. А включив даже ближний свет, можно получить пулю из-за реки, и не только по фарам. Да и особой необходимости в спешке не было. Так что алгоритм алгоритмом, а жизнь внесла свои коррективы. Кроме того, ведь на пороге Новый год. Вряд ли в тот момент кто-либо из нас предполагал, какую суровую жизненную страницу открывает он перед нами и тысячами наших боевых товарищей.

Команда на переход границы поступила в первые дни 1980 года. Предстояло сформировать сводный боевой отряд и 7 января переправить его в районе Калайи-Хумба (в то время – правый фланг Хорогского погранотряда) в афганский кишлак Нусай, где располагался пограничный комиссар это-

го района ДРА и охранявшие его рота солдат и царандой (афганская милиция). Переправу через Пяндж планировалось произвести на вертолетах, что обеспечило бы стремительное десантирование боевого отряда и сводило до минимума возможность противодействия со стороны орудовавших в этих местах бандгрупп. Кроме того, учитывалась сложность преодоления водной преграды, которую представлял собой в этом месте стремительный и довольно широкий Пяндж.

СБО численностью порядка ста человек укомплектовали из состава действующих мангрупп. Строго соблюдая все меры маскировки, группами по одной, две, от силы три машины, личный состав был переброшен в район сосредоточения. Останавливаюсь на этой детали потому, что маршрут передвижения протяженностью около сотни километров проходил вдоль границы, что называется, на глазах у противника. Другой дороги просто не было. Скрытность подготовки боевых действий во многом предопределяла их успех. Вековая история войн вывела эту аксиому. Позднее приходилось сталкиваться с теми, кто отступал от нее и жестоко за это расплачивался своей кровью, кровью подчиненных.

Уже здесь, в Калайи-Хумбе, составу СБО было объявлено о предстоящей боевой задаче. Приказ был краток и предельно ясен: десантироваться на сопредельную территорию в районе населенного пункта Нусай, занять оборону в готовности к отражению возможного нападения вооруженных бандгрупп, обеспечить дальнейшую переправу боевых подразде-

лений.

Позднее эти парни десятки раз выполняли подобные и более сложные задачи. К сожалению, не могу сказать, что всегда им сопутствовала удача. А ведь в этот раз все было впервые. Никто из участников – ни командиры, ни подчиненные – не имел боевого опыта. Да, офицеры были подготовлены в академиях, училищах, участвовали в учениях, наконец, сами их проводили. Солдаты прошли программу учебных пунктов, не менее года прослужили на заставах, с оружием в руках охраняли границу. И офицеры, и солдаты участвовали в демонстрационных действиях, максимально приближенных к боевым. Но это все было не под пулями врага. Поэтому в последние часы перед предстоящей переправой центральной задачей политсостава было довести до сознания каждого, что перед нами в любой момент может появиться не условный противник, а живой, несущий смерть враг. Считаю необходимым перечислить все то, что было сделано в сжатые сроки до утра 7 января. Это короткие деловые совещания-инструктажи с офицерами-политработниками, коммунистами, комсомольским активом. Без излишней агитации ставились конкретные задачи каждому на десантирование, на действия при возможной встрече с противником, указывалось место в боевых порядках. Советовались, как преодолеть возможную робость воинов, нерешительность. Ведь молодые люди, возможно, пойдут в бой и будут вести огонь по живым людям, хотя и по врагам. Преодолеть этот психологический ба-

рьер было совсем не просто. Все нужно было предвидеть. С первого же дня было определено: никакой писанины, никаких бумаг, никакой надоевшей канцелярщины. Только живая работа! Ее оценка – состояние дел в подразделении, настроение людей и как основной критерий – выполнение боевой задачи. Личный пример и живое слово ни в какую канцелярскую схему не втиснешь. Мне показалось, больше того, я был уверен, что мы готовы к выполнению задачи. Солдаты сосредоточенны, нет ни малейших проявлений неуверенности. И все же, когда объявили, что необходимо сдать документы, письма, снять пограничные погоны и петлицы, в помещении, где мы беседовали, наступила гнетущая тишина. Наверное, в эти несколько мгновений присутствующие здесь 19—20-летние парни окончательно осознали, насколько серьезно и опасно все то, что им предстоит завтра. Ждали рассвета. С минуты на минуту должно было поступить сообщение о подходе вертолетов. Но все сложилось совсем по-другому. Опять памирская непогода. Плотная пелена мокрого снега напрочь закрыла горы, ущелья, противоположный берег едва просматривался. Ждали, курили. Никакого улучшения. Ждали и на той стороне. Наши поставили в известность афганского погранкомиссара о готовящейся переправе. Тот, в свою очередь, должен был силами подчиненного гарнизона и ополченцев обеспечить боевое прикрытие высадки нашего десанта. Но часа через полтора поступило сообщение: по метеоусловиям вылет вертолетов невозможен. Но приказ! И

тогда было принято решение начать переправу на плавсредствах, и немедленно.

По-военному следовало сказать: приступить к форсированию водной преграды. Но легко сказать... Наш «десантный флот» состоял тогда из одной надувной лодки «ДЛ 5», то есть десантная пятиместная, которую разыскали в комендатуре Калайи-Хумба. До сих пор это «судно» использовалось только в сугубо мирных целях, а сейчас ему предстояло выполнить столь значительную роль. В нашем распоряжении были БТРы. Но до сих пор никто и никогда не пытался преодолеть стремительную горную реку на этих машинах. Тогда никто не решился пойти на такой риск, который грозил потерей людей и техники. Об этом варианте не было речи.

К месту переправы вышли группы боевого прикрытия. Видим, за рекой тоже началось движение: на берегу появился погранкомиссар с группой сарбозов, показались местные жители.

Подготовлен экипаж: опытный боевой офицер капитан Ассадулаев, комендант участка лейтенант Паньков, два автоматчика, пулеметчик. На весла садится Ассадулаев. «Готовы!» «Пошел!» Стремительный поток шириной в добрую сотню метров подхватил лодчонку, стремясь унести ее вниз по течению, туда, в каменный коридор с отвесными стенами, где на берег уже не выбраться. Ассадулаев направляет лодку под углом против течения. Медленно, метр за метром она уходит к середине реки. Напряжение растет. Лодка уже там,

за границей. А если сейчас из толпы собравшихся на берегу афганцев полоснет по крошечному десанту автоматная очередь? «ДЛ 5» лопнет, как воздушный шарик, и тогда ребят ничто не спасет.

Рядом со мной стоит начальник отряда Николай Малютин. Политработник, на командную должность пришел всего несколько месяцев назад. Волевой офицер, обладает завидной выдержкой. Только плотно сжатые губы да прищур глаз выдают его волнение.

На противоположном берегу пока тихо. Вот уже остается несколько метров до берега. И наконец... Что это? Толпа афганцев аплодирует! Несколько человек вошли в воду, подталкивают лодку, помогают нашим выйти на берег. Так они встретили советских воинов. Начало положено! Четверка остается на берегу. Опять Ассадзулаев садится на весла. И еще четверо присоединяются к первым. Лодка продолжала совершать свои рейсы. Афганцы пытались сделать плот. Бесполезно. К концу короткого январского дня по разрешению Москвы со склада НЗ (неприкосновенного запаса) была доставлена 10-местная лодка. Дело пошло быстрее. Но с наступлением темноты перевозку людей пришлось прекратить. Сорок человек составили маленький гарнизон наших пограничников на той стороне. Почти в полной темноте офицер Главка полковник Кулаков и я переправились на афганскую сторону. Хозяева разместили наших солдат в просторном помещении, вдоль стен на полу расстелены ковры. Прямо-та-

ки царский прием. Но до сна ли здесь? Командир СБО майор Базалеев – офицер опытный, руководит десантом уверенно, спокойно. Под стать ему замполит капитан Кундык. Слаженно действуют солдаты. Выставлено боевое охранение. Капитан Ассадулаев контактирует с афганским погранкомиссаром. Все начеку. Сказывается пограничная выучка. Возвращаемся на наш берег. В Москву пошло сообщение о результатах сегодняшнего дня. Там принимает доклад начальник штаба войск генерал Нешумов. Ему эти места и здешняя обстановка хорошо знакомы, несколько лет он командовал Среднеазиатским погранокругом.

Поздним вечером поступили известия о том, что не только на Памире, но и на участке Пянджского отряда произведено десантирование СБО в район порта Ширхан – одного из важных пунктов взаимной транспортировки народнохозяйственных грузов. Операция прошла успешно.

Наступила тревожная ночь. Напряженно ждали рассвета. Что он принесет? Однако опасения оказались напрасными. Лишь только небо засветилось – все пришло в движение. Продолжали переправу людей, вооружения, грузов. То есть действовали по плану. Погода несколько улучшилась. Но долгожданные вертолеты пришли только на следующий день.

До сих пор к полетам из Душанбе на Памир «имел допуск» только один аэрофлотовский экипаж. Вертолетчики были специально подготовлены для спасения терпящих бед-

ствие альпинистов, и летать им приходилось довольно часто. Горы таили много коварных сюрпризов для винтокрылых машин: разреженный воздух, неожиданная смена восходящих и нисходящих воздушных потоков, ограниченность маневра, резкие колебания погодных условий и многое другое. Боевая необходимость вынудила использовать для полетов на ту сторону и экипажи пограничной авиации. Времени на их специальную подготовку не было. Надо! И они полетели. Абсолютное большинство летчиков показало высочайший уровень профессиональной подготовки. Героизм, мужество, мастерство наших авиаторов в целом ряде случаев имели решающее значение для выполнения боевых задач. Десантирование подразделений, поддержка их действий с воздуха, снабжение всем необходимым для боя в местах полной недоступности. И главное: сотни раненых пограничников обязаны жизнью этим отважным людям. Испытав на своей шкуре ракетные и бомбовые удары вертолетов, бандиты окрестили их прозвищем «Шайтан-арба». А ведь летали эти «шайтаны» поначалу на обычных транспортных Ми-8, хотя и оснащенных вооружением, но ничем не защищенных. С горькой иронией летчики называли свои летательные аппараты «буфетами». Пули душманов прошивали корпус вертолета с легкостью. Не слышал, брали ли с собой летчики на боевой вылет сковородку, как утверждают некоторые юмористы, но тогда это, пожалуй, был единственный способ защиты от бандитских пуль. Позднее пришлось чуть ли не ку-

старным способом усиливать днище кабины. Экипажи надевали бронежилеты. Боевые Ми-24 появились у нас только в 81-м году.

Первым Героем Советского Союза среди пограничников, принимавших участие в афганских событиях, стал вертолетчик капитан Фарид Султанович Шагалеев. К рассказу о нем я еще вернусь. А тогда, 9 января 1980 года, наконец раздался рокот двигателей долгожданных вертолетов. Летчики Шагалеев, Мусаев, Лазарев прорвались сквозь непогоду. К месту переправы прибыл начальник войск округа генерал-майор Карпов, его заместитель, начальник оперативно войскового отдела генерал-майор Гафаров. Прибытие генерала Карпова предвещало дальнейшее развитие событий. Так оно и случилось. В тот день вертолетчики завершили переброску людей, грузов и всего необходимого для жизни и боевой деятельности десанта. Последним рейсом вертолеты перевезли муку, соль, растительное масло и другие продукты, которые послали жители Калайи-Хумба населению афганского кишлака.

Нет нужды говорить о том, какую волну благодарности среди жителей Нусая вызвала эта помощь. Когда видишь, как седобородый старик собирает в миску снег, на который случайно просыпалась соль, только тогда начинаешь в какой-то мере чувствовать степень бедственного положения этих людей. Мы увидели совершенно непостижимый уровень бедности. Но самое странное, что памирские афганцы, как мне показалось, и тогда, и позднее будто бы и не тяготи-

лись этим состоянием. Так жили их предки, так живут они, так будут жить их дети и внуки. Из года в год, из века в век, из поколения в поколение.

Меня и моих товарищей еще долго не покидало чувство, что мы не только перешли границу между нашей страной и Афганистаном, но и пересекли рубеж между веками, шагнули в далекое прошлое. Кстати, в 1980 году здесь наступил только 1359 год по мусульманскому календарю. Памирская земля непригодна для земледелия. Для того чтобы вырастить хотя бы горсть зерна, бедняки афганских кишлаков разыскивали и обрабатывали любой клочок земли, подымаясь на немыслимые скалистые кручи.

Первый опыт гуманитарной помощи получил свое развитие. Правительство Таджикистана приняло решение о направлении в афганское пограничье Памира, где население испытывало особую нужду, продовольствия, предметов одежды, обуви и других товаров. В течение лета 1980 года между Калайи-Хумбом и Нусаем силами таджикских строителей был возведен навесной пешеходный мост.

В том, что правительство Таджикистана оперативно приняло решение о гуманитарной помощи, что сверх лимитов выделялось горючее для вертолетов (а это было и тогда очень непросто), что успешно решались другие проблемы, связанные с обеспечением наших действий, большая заслуга начальника оперативно-войскового отдела в Душанбе генерал-майора Гафарова. Весь свой авторитет, все свои контак-

ты и возможности этот известный в республике человек сосредоточил на выполнении названных задач в самый сложный – начальный – период.

Генералы осмотрели позиции СБО и остались довольны. Пограничники при активной помощи жителей Нусая из камня построили укрытия. Майор Базалеев умело организовал систему огня, установил боевое взаимодействие с ротой афганцев. Подготовлена и надежно прикрыта посадочная вертолетная площадка. Конечно, сюда бы еще пару бронетранспортеров. Но они все еще на нашем берегу. Удастся ли их переправить? Довольно рискованный эксперимент.

Карпов, Гафаров беседовали с солдатами, офицерами. Им были представлены и местные руководители. Абдусалом Гафарович не упустил возможность поговорить с жителями. В переводчике необходимости не было. В этих приграничных районах Афганистана проживают в основном таджики. Встреча с депутатом Верховного Совета ТССР, генералом – представителем таджикского народа вызвала не просто интерес, а сенсацию. Собралась толпа. Не знаю, о чем говорил генерал, но слушатели утвердительно кивали, аплодировали, скандировали: «Зинда бод дуст!» – «Да здравствует дружба!» Одна из пограничных застав в Таджикистане впоследствии была названа именем генерала Гафарова.

Иван Григорьевич Карпов. Я горжусь тем, что в течение нескольких месяцев мне довелось быть рядом с ним в сложнейших ситуациях, которые возникали в ходе боевых дей-

ствий. Во второй половине года он был назначен в Москву, в управление погранвойск, где продолжал заниматься афганскими событиями. Его прекрасная теоретическая подготовка эффективно преломлялась в практических действиях. Этот человек вселял уверенность в подчиненных, точно и быстро принимал решения, на малейшие изменения обстановки отвечал незамедлительной реакцией. А это так важно в бою.

Как и предполагалось, генерал Карпов определил гарнизон в Нусаяе как плацдарм для контроля выходов банд из Джавайского ущелья и заслон, исключаящий их движение в направлении участка Московского отряда. Перед вылетом он дал понять: в ближайшее время события переместятся в глубь территории соседа. Московский погранотряд уже начал подготовку десантных групп для броска на ту сторону.

На второй или третий день после высадки к нам обратились за медицинской помощью. Семеро мужчин учителей, спасаясь от преследования душманов, пришли в Нусай, поселились в доме коллеги. Один из них серьезно болен. Медик лейтенант Машковцев, офицер-переводчик, я и двое автоматчиков отправились к больному. Дом, к которому мы подошли, был похож на все остальные. Глинобитные или же из неотесанного камня, с плоским, тоже глинобитным покрытием, которое служит и крышей, и потолком одновременно. Кстати, в кишлаках Таджикистана много таких же домов. К основному строению примыкал небольшой навес, где были

навалены какие-то ящики. Вошли внутрь и были потрясены увиденным. В тесной комнатухе, с одним оконцем, на плите у стены громоздилась какая-то посуда, по диагонали от угла до угла через всю комнату протянута веревка, на ней развешана одежда, на полу, на какой-то немыслимой подстилке под потрепанным лоскутным одеялом – больной. В комнате, а точнее в доме, больше ничего.

За время, проведенное в Афгане, мне приходилось бывать в других домах. Подобного убожества я больше не видел, но везде все было весьма скромно. Позднее мне пришлось наблюдать такую картину: группа ополченцев из Нусая была переправлена на нашу территорию и побывала в доме обычного рядового колхозника, жителя Калайи-Хумба. В доме несколько комнат, в гостиной, как и водится в Средней Азии, два-три ковра, приемник, скромная мебель. «Ты бай!» – заявили они хозяину. «Нет, я простой колхозник», – пытался возразить он. «Нет, ты бай! Ты говоришь неправду! Простые так не живут». Так они и не поверили. Мы по-настоящему ощутили, какой колоссальный путь прогресса прошел таджикский народ за годы советской власти...

Но вернусь к переправе. Боевая необходимость вынуждала предпринимать действия, на которые до этого вряд ли кто-либо решался. Переправа бронетранспортеров на плаву через стремительную горную реку казалась делом невероятным. Проблема усугублялась тем, что выход на противоположный берег ограничивался узкой пологой полосой. Ес-

ли течение снесет БТР чуть дальше, ему уже не выбраться, там – отвесные стены ущелья, машину спасти не удастся. Но главное – большому риску подвергались люди. Прodelать этот «смертельный трюк» предстояло полковнику Фетисову. Александр Павлович – боевой офицер, фронтовик, имеет большой опыт в использовании техники в различных условиях, много лет проработал в Главке. Долгие часы он провел у места предполагаемой переправы. Просчитывал все варианты. Подобрал экипаж для пробной переправы. Старший лейтенант (фамилию, к сожалению, не запомнил) и прапорщик Богославец – оба водители высокого класса. Первоначально предполагалось пустить бронемашину с подстраховкой – на «привязи». Но металлический трос был тяжел и значительно снижал скорость на воде, кроме того, возникала опасность крутящего момента и БТР могло просто перевернуть сильным течением. От этого варианта пришлось отказаться. Наконец решились.

Машина с ходу врезалась в воду. Вздывается пенистый бурун за кормой. Сносит здорово, но БТР плывет. Сколько минут длился этот водный аттракцион, не знаю. Фетисов бледный, на лице капли пота. У меня взмокла спина. Вот, вот, еще немного! Колеса «коробочки» зацепились за прибрежные камни. Все! Небольшая, но победа. Ребята на той стороне даже «ура» прокричали. «Поздравляю, Александр Павлович!» Тот снял шапку, платком вытер лицо, облегченно вздохнул: «Порядок в пограничных войсках!». Что пере-

жил он за эти минуты? Офицера и Богославца вернули назад, и на тот берег ушла еще одна бронемашина. Так делались первые шаги. Потом было проще.

В те же январские дни на левый фланг участка Хорогского погранотряда вышел отдельный мотострелковый полк. Тесное взаимодействие командования погранотряда и полка, присутствие нашего гарнизона в Нусе позволяло полнее контролировать обстановку на всем участке границы отряда. Не берусь объяснить причины, но почти пять месяцев полк оставался в Гульхане. Команда на движение к Файзабаду поступила только в июне. Для того чтобы начать марш, необходимо было выбить душманов с перевала. Эту задачу должны были выполнить пограничники, более приспособленные для действий в горах. Сводный боевой отряд численностью более сотни человек тщательно подбирался и готовился под руководством начальника Хорогского погранотряда подполковника Николая Николаевича Малютина. СБО задачу выполнил. Руководил боем генерал Иван Григорьевич Карпов. Отдельный мотострелковый полк начал свой тяжелый путь к Файзабаду. А в Гульхану и Рабати Чахильтон пришли пограничники. Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов прислал благодарственную телеграмму участникам боя за перевал Рабати Чахильтон.

Ветеранам свойственно вспоминать былое. Вот и мы с Малютиным, теперь уже полковником запаса, не раз вели разговоры о событиях той поры.

– А знаете, кто командовал тем полком? – спросил он меня.

– Честно говоря, не помню.

– Так вот, – продолжал Малютин, – читаю запись в моем блокноте: командир отдельного МСП подполковник Рохлин Лев Яковлевич.

– Неужели тезка?

– Нет, точно, будущий генерал Рохлин.

Потом комполка стал известным военным, а летом 1998 года трагически завершил свой жизненный путь. Вот такие были у нас встречи тогда, в 1980 году.

В конце января произошло торжественное событие. Начальник войск Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа генерал И. Г. Карпов вручил награды отличившимся при десантировании 7 января. Волнующий ритуал. Волновались те, кто первым плыл на лодке «ДЛ 5», и те, кто видел эту рискованную переправу на «ту сторону». Мы все были рады за мужественных ребят. И вот строй, команды. За образцовое выполнение задания командования... от имени Президиума Верховного Совета СССР капитан Ассадугаев, старший лейтенант Паньков, сержант Мурин и двое рядовых награждены медалями «За отличие в охране государственной границы СССР».

К началу февраля наш КП из Калайи-Хумба переместился в Рохак. Здесь когда-то была застава, пустующий городок которой заняли штаб и подразделения. Рядом с заставой рас-

полагалось опытное хозяйство, где в условиях памирского высокогорья выращивались прекрасные лимоны, а у берега реки на солончаковых почвах раскинулся шикарный гранатовый сад. Но, конечно, главным достоинством этого места было наличие прекрасной вертолетной площадки. Именно отсюда начались действия СБО Московского погранотряда, а позднее, вплоть до 1982 года, – десантно-штурмовых и маневренных групп, прибывавших из других отрядов и округов.

Начальник Московского отряда Дмитрий Васильевич Давыдов, начальник политотдела Владимир Анатольевич Криницын, начальник тыла Николай Илларионович Яковенко тщательно подобрали людей для предстоящих действий, учитывая опыт памирцев. Они обеспечили боевой отряд всем необходимым, вплоть до переправочных средств. Сразу скажу, что и воевали эти офицеры грамотно, хладнокровно и мужественно.

Первый рывок на «ту сторону» был подготовлен быстро. Данные об обстановке в районе кишлака Убагн дополнялись тщательным войсковым наблюдением наших застав. Было предусмотрено все. Но вновь памирская погода сыграла с людьми злую шутку. Едва десантники высадились на противоположный берег и заняли позиции, как хлынул проливной дождь со снегом и упала температура. Промокшая до нитки форма начала превращаться в ледяной панцирь. С трудом на сильном ветру натянули малую палатку, установили

печурку-буржуйку. Поочередно бойцы подходили туда, чтобы немного согреться. Но это не помогало. Впереди – ночь. Что делать? Выход один: испытанное народное средство. У медиков нашлись запасы спирта. Связываюсь по рации: «Романа на связь!» Старший лейтенант Валерий Роман (ударение на «о») – комсомольский работник Московского пограничного отряда, умница, боевой парень – через пару минут отозвался: «Пятый, Пятый, я на связи. Прием». Я – открытым текстом: «Валерий, сейчас получишь посылку. Посылка специальная. Получишь – поймешь. От моего имени проинформируй командира. Все остальное – под твою ответственность. Каждому бойцу по чуть-чуть, чтобы не замерзли. Как понял? Прием». Еще бы он не понял! «Вас понял отлично! Спасибо! А потом никаких претензий не будет? Прием». – «Будут, если людей заморозишь и пустую посуду не сдашь своевременно». – «Вас понял. Выполняю!» Роман с этой задачей справился отлично. Больных не было.

Всю свою жизнь в войсках я жесточайшим образом боролся с алкогольными излишествами и никак не предполагал, что придется самому выступать в роли организатора вот такой «коллективной пьянки».

Конечно, не раздачей «народного средства» характеризовалась деятельность политработников в тот период. Главным оставалось поддержание высокого настроя личного состава, готовности к неожиданностям и решительным действиям в любой обстановке. В СБО создавались и действовали пар-

тийные группы, комсомольские организации. Являясь надежной опорой командиров, они, без преувеличения, играли важнейшую роль в решении боевых задач. Увеличилось количество заявлений от рядовых комсомольцев о приеме кандидатами в члены КПСС. Сейчас эта тема как-то застенчиво умалчивается, но так было.

Большое внимание уделялось тому, чтобы люди за рекой не чувствовали себя оторванными от «большой земли». Пробовали наладить выпуск ежедневного информационного листка через районную редакцию Калайи-Хумба. Райком партии охотно откликнулся на нашу просьбу. Выпустили порядка десяти «боевых листков», в которых отражались положительные примеры из боевой деятельности СБО, содержалась краткая информация о событиях в нашей стране. К сожалению, от этого варианта информации пришлось отказаться по причине безграмотности местных наборщиков – таджиков. Позднее были взяты на вооружение фотолистовки. Политотделы отрядов срочно переадресовали в действующие подразделения значительную часть поступающей периодической печати. Редакция окружной газеты «Дзержинец» начала печатать специальные выпуски для сводных боевых отрядов. ЦК комсомола республики, районные комитеты партии и комсомола направили в Хорогский, Московский и Пянджский погранотряды десятки транзисторных приемников. Именно тогда, в боевой обстановке, выросла роль агитаторов. С радиоприемником, со свежими газетами, письма-

ми они шли на позиции боевого охранения, в блиндажи, в палатки к солдатам. И если в повседневной жизни заставы агитатор отделения чаще являлся фигурой незаметной, то здесь он был в центре внимания.

С возрастанием количества СБО и их численности переадресовка и своевременная доставка писем, посылок превратилась из повседневного, уже отработанного вопроса в целую проблему, которую приходилось постоянно держать на контроле. Родители солдат догадывались о месте пребывания своих сыновей. Есть такая русская пословица: «Шило в мешке не утаишь». А уж такое «шило» не мог утаить даже «мешок» строгой секретности. Родители стремились как-то помочь сыновьям. Во много раз возросли потоки денежных переводов, посылок. Финансистам пришлось открывать специальные счета на солдат и сержантов. В транспортные колонны, уходившие в гарнизоны, включались грузовики с посылками, а порой для их доставки приходилось использовать и вертолеты. Большим и очень ответственным участком работы была политическая пропаганда среди местного, афганского, населения.

Никогда не считал число 13 несчастливым. Но именно 13 февраля произошли первые бои, и именно в этот день погибли наши товарищи, открыв скорбный счет потерь.

Солдат Сергей Мельниченко. Он погиб первым. Тоненький, улыбчивый, светловолосый парнишка. Сережа относился к той категории людей, встреча с которыми освещает тебя

радостью, добром. Солдаты называли его «Серый», а офицеры по-отечески: «Серенький».

Утром «уазик» Сергея остановился на берегу Пянджа. Здесь офицеры Климов и Казаков должны были встретиться с одним человеком. Но в назначенный час с того берега раздались выстрелы, автоматные очереди. Завязалась перестрелка. Сергей бросился к машине, да так и упал, не добежав двух шагов. На выручку к пограничникам подоспели десантники. Бандиты, понеся потери, скрылись. «Что с тобой, Серенький?» – не веря в случившееся, бросились к раненому офицеры. Бандитские пули пробили грудь солдата. Так погиб Сергей Николаевич Мельниченко.

Уже во второй половине дня пришло еще одно трагическое известие: возвращаясь после боя из Джорфа, погибли капитан Власенко и четверо его солдат. БТР, в котором они находились, сорвался со скал и упал в Пяндж.

13 февраля был еще один бой. На этот раз обошлось без потерь. Уже несколько дней проводилась проверка в пограничных афганских кишлаках. Афганские подразделения совместно с группами наших солдат блокировали кишлак и проверяли мужское население на предмет выявления бандитов и их пособников. Проводили эту работу афганские командиры вместе с нашими офицерами. Те из проверяемых, кто вызывал подозрение, переправлялись в Нусай, где находился пункт сбора задержанных. Там представители народной власти проводили дальнейшее разбирательство. По ито-

гам расследования часть задержанных возвращалась домой, а выявленные бандиты и их пособники через некоторое время доставлялись в Кабул, где сотрудники ХАДа (госбезопасности ДРА) продолжали с ними разбираться.

В тот день группа под командованием майора Абирова высадилась недалеко от небольшого афганского кишлака и приступила к выполнению задачи. Человек пятьдесят мужчин собрались на окраине. Кстати, в число жителей населенных пунктов входило только мужское население, начиная с годовалых младенцев. Женщины не учитывались. Таковы были порядки в тех краях.

Процедура проверки проходила спокойно. Когда афганские солдаты уже заканчивали осмотр отдельных домов, на противоположном краю кишлака раздались выстрелы. Бой разгорелся мгновенно. С нашего берега видим, как пограничники залегли в кустарнике в центре кишлака, отстреливаются. Абиров по радиии передает: «Ведут огонь с ближайшей возвышенности, меня и сержанта заблокировал снайпер. Бьет из укрытия». Отвечаю: «Оставайся на месте. Вызываю вертолет. Дай наводку! Мы поддержим огнем БТРа. Корректируй!» Благо БТР находился рядом, и огонь его крупнокалиберного пулемета был эффективным. Ми-8 прибыл и с ходу ударил НУРСами по позициям бандитов. Один залп, второй... Опять на связи Абиров: «Уберите вертушку. Разлет НУРСов большой. Осколки бьют по нашим!» Вертолет убрали. Решили использовать автоматический станко-

вый гранатомет (АГС). Одна очередь, вторая... Гранаты, задевая за сучья деревьев, рвутся над головами наших ребят. Срочно прекратили стрельбу. И только пулемет БТРа добросовестно долбил в нужные точки по командам Абирова. Но снайпера достать не удавалось. Необходимо было срочно принимать решение. Не помню, по какому случаю здесь оказался подполковник Виталий Стефанович Прокофьев. Но оказался он, как говорят, в нужном месте, в нужное время, да еще со снайперской винтовкой! Через пару минут он обнаружил бандитского стрелка. Выстрел! И тут же Абиров: «Снайпер замолчал. Спасибо. Выходим». Бой затих. Потерь нет ни среди наших, ни среди афганцев.

В этой короткой боевой схватке были применены практически все боевые средства, которыми мы тогда располагали. Можно ли сказать, что это был удачный опыт? Наверное, нет. Ведь вертолет и АГС сработали впустую. Была опасность поражения своих. Хорошо, что обошлось. На следующий день провели «разбор полетов». Разобрали, что называется, «по косточкам» действия и воздушной поддержки, и каждого офицера и солдата на земле. Учились воевать.

Особенно тщательно и методически грамотно проводил после каждого боя подведение итогов командир СБО-1 начальник штаба Хорогского отряда подполковник Файзиев. Об этом офицере и его боевом отряде речь пойдет позднее. Что касается прошедшего скоротечного боя в кишлаке, то выяснилось следующее: наша группа наткнулась на боевое

прикрытие, которое оставил главарь душманов Абдул Вахоб, уходя в горы. Ночью он был здесь и ушел на рассвете. С первых дней действий пограничников на «той стороне» предпринимались попытки обезвредить этого «командующего». Хитрый и осторожный, он постоянно ускользал от преследования. Вахоб никогда не ночевал там, где находился днем. Никто не знал, где он будет ночью. Едва появлялись данные о его местонахождении, как он буквально испарялся. Однако через неделю мы все же напали на его след. В праздничный день 23 февраля Абдул Вахоб с группой приближенных был блокирован в своем доме на окраине кишлака Даргак. Но незадолго до этого произошел бой в высокогорном кишлаке Верхний Гумай, о котором необходимо рассказать.

На калайи-хумбском направлении несколько душманских отрядов свили себе гнездо в ущелье, неприступном со стороны границы. Отвесные скалы, как бастионы, перекрывали любые подходы к каменному лабиринту. Необходимо было добраться до расположения банд с противоположной стороны ущелья, вынудить душманов отступить в сторону границы и загнать их в тупик. Эту задачу должен был выполнить СБО-1, созданный на базе Хорогского погранотряда.

Командовал СБО подполковник Зураф Мирзобаевич Файзиев. Суворовское, затем пограничное училища, академия дали ему надежные знания, которые позволяли решать самые сложные служебные и боевые задачи. Умный, требовательный и справедливый, он высоко ценил профессиона-

лизм в своем деле. Хладнокровие, выдержка, расчетливая храбрость – эти качества командира вселяли уверенность в его солдат, вызывали чувство уважения у офицеров, которым доводилось воевать рядом с ним. Бандиты охотились за Файзиевым. Однако судьба хранила этого человека. В одном из боев пуля ударила в лобовую часть его каски, сделав глубокую вмятину, но, к счастью, не пробила металл. Боевые дела Зуфара Мирзобаевича были отмечены высокими наградами – орденами Ленина и Красного Знамени.

В тот февральский день СБО-1 десантировался на вертолетах в район боевых действий. Медленно и упорно продвигаясь по крутым скатам ущелья, пограничники оттесняли бандитов вверх, в каменную западню. В боевых порядках шли начальник политотдела Хорогского погранотряда майор Казаков, опытные офицеры подполковники Климов, Прокофьев, майор Александр Казаков, комендант Калайи-Хумбской комендатуры старший лейтенант Паньков (тот, что в числе первых переправлялся в Нусай). Пожалуй, много старших офицеров участвовало в этой операции. Но так было на первых порах.

На исходе дня поступили разведданные о том, что бандиты численностью свыше ста человек, как и предполагалось, сосредоточились в Верхнем Гумае. Отступать им некуда. Значит, будут драться с фанатичным упорством, рассчитывая на то, что подойти к ним по крутым скалистым склонам пограничники не смогут. Возможен и другой вариант: глава-

ри, бросив под огонь рядовую массу, попытаются прорваться через наши заслоны. Наступила ночь. Что предпримет противник? Ущелье перекрыли надежно. Ждали. Но бандиты на прорыв не решились. С рассветом в душманский стан были направлены парламентареры из местных жителей. Через некоторое время из Гумая вышли десятка полтора вооруженных людей и начали спускаться в нашу сторону. Но тут сверху раздался громкий гортанный окрик. Шедшие в нерешительности остановились и повернули обратно. А значит – предстоял бой. Причем начинать его надо с крайне невыгодной для пограничников позиции. Ситуация осложнялась еще и тем, что местность исключала возможность эффективного применения вертолетов для поддержки с воздуха. Файзиев принял решение двигаться вперед двумя группами. Во главе одной пошел сам, другую возглавил политработник Валентин Казаков. Группой огневой поддержки руководил капитан Евгений Ким.

Утопая в глубоком снегу, от выступа к выступу карабкались пограничники вверх, медленно приближаясь к засевшим в укрытии «духам». Над наступавшими засвистели душманские пули.

В бой вступила огневая группа Кима, в которой были СПГ-9¹, способные вести огонь осколочными гранатами, АГС, пулеметы. Были подавлены обнаруженные огневые средства противника. Тем временем пограничники вышли

¹ Станковые противотанковые гранатометы.

к окраине Верхнего Гумая. Группа майора Казакова сумела обойти кишлак и оказалась в непосредственной близости от строения, где оборонялись главарь и его приближенные. Решительные действия наступающих вынудили некоторых из них бросить оружие и сдаться. Но ядро банды отчаянно сопротивлялось. Пространство перед домом полностью простреливалось, а каменные стены были неуязвимы даже для огня СПГ-9. В группе Файзиева погиб пограничник. Огонь не утихал. Попытка атаки могла привести к дальнейшим жертвам. Необходимо было срочно принимать решение. Валентин Казаков его принял. «Прикрой», – крикнул он подполковнику Климову, который находился рядом, а сам рванулся под огонь бандитских автоматов, к глухой стене дома. С ходу упал в снег. «Кажется, цел. Теперь туда, на плоскую крышу». Внизу поняли маневр: под ногами Валентина глухо застучали пули. К счастью, плоский настил оказался достаточно прочным. Наклонился над краем крыши и швырнул гранату в огнедышащее узкое окно-бойницу. Следом вторую, третью, четвертую. Огонь прекратился. С бандой было покончено.

Почему в решающий момент боя пошел вперед, навстречу вражеским пулям именно он, начальник политотдела погранотряда майор Валентин Викторович Казаков? Не верил в своих подчиненных? Нет, верил, знал, что любой пойдет и сделает все, чтобы выполнить задание. Но знал он и другое. Молодой парень в первом бою способен допустить ошибку,

которая может стоить ему жизни. А он, Казаков, получил прекрасную военную и спортивную подготовку в погранучилище, затем в Туркмении уже офицером служил на заставе, в школе сержантского состава. После учебы в военно-политической академии опять среднеазиатская граница, работа на различных должностях. Все эти годы закалял волю, оттачивал качества профессионального военного. Вот поэтому он, вопреки всем нормам боевых уставов, взял на себя смертельный риск...

Если вам доведется побывать в Центральном музее ФПС России в Москве, обязательно посмотрите экспозицию, посвященную афганским событиям. Начинается она с фотографии молодого человека в каске и маскхалате. Вглядитесь в его открытое, мужественное лицо, в глаза, внимательные и чуточку озорные. Это и есть мой боевой товарищ, ныне полковник в отставке Валентин Викторович Казаков. После завершения службы он проживает в Москве...

23 февраля под руководством генерала Карпова проводилась операция по выставлению нашего гарнизона в кишлаке Калайи-Куф – центре Куфабского ущелья.

Осуществление плана операции возлагалось на СБО Московского погранотряда. «Москвичи» произвели тщательную разведку предстоящего маршрута и обстановки в Куфабе (так мы называли Куфабское ущелье). Это послужило основой успеха. В итоге, когда СБО под руководством подполковника Резниченко подошел к Калайи-Куфу, там уже нахо-

дился с десантной группой начальник погранотряда полковник Давыдов. Зная прекрасные командирские качества этого офицера, генерал Карпов поручил ему возглавить десант. Дмитрий Васильевич, человек решительный, склонный к разумному риску, максимально использовал фактор внезапности. В центре кишлака один за другим приземлились вертолеты, и через мгновение десантники создали кольцо надежной круговой обороны. Основные силы СБО были уже на подходе. Офицеры Резниченко, Кайтмесов, Яковенко, Базанарчук немедленно приступили к размещению и организации базового лагеря. С тех пор здесь в течение долгих лет находился гарнизон пограничников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.